

«ЭХО ВОЙНЫ»

СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА

НОВОСИБИРСК
2022

Муниципальное казённое учреждение культуры
города Новосибирска «Централизованная библиотечная
система им. Л. Н. Толстого Октябрьского района»

«ЭХО ВОЙНЫ»

**СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА**

НОВОСИБИРСК
2022

Сборник издан при поддержке
Конкурса социально значимых проектов для предоставления грантов
в форме субсидий в сфере поддержки общественных инициатив
управления общественных связей
мэрии города Новосибирска

Распространяется бесплатно

Эхо войны:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова / Дизайн, верстка: Л. А. Игнатова, нач. рекламного-издательского отдела МКУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МКУК ЦБС Октябрьского района, 2022. – 80 с.: ил.

Конкурс молодых поэтов: год шестой

Начиная с 2017 года Централизованная библиотечная система им. Л. Н. Толстого Октябрьского района и созданная на её базе Новосибирская региональная общественная организация сохранения историко-культурного наследия «Библиотечное сообщество «Наследники Будагова» проводят поэтический конкурс на приз имени Бориса Богаткова.

Проект нацелен на выявление талантливой молодёжи, поощрение чувства искреннего патриотизма и поддержку патриотически настроенных молодых людей. Участники конкурса – молодые поэты в возрасте от 14 до 35 лет. Работы представлены в нескольких номинациях: «Будто был я вчера на войне...» – поэтические произведения, посвящённые Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.; «Возьмёмся за руки, друзья!» – поэтические произведения о мире без войн; «Любовью к Родине дыша» – гражданская социальная лирика.

Результаты конкурса 2022 года:

Гран-при –Товескин Константин за цикл стихотворений

Номинация «**Будто был я вчера на войне**»

- 1 место **Щитов Иван**. Не хочу о войне ни сегодня, ни после
- 2 место **Лунин Максим**. Я убит под Орлом...
- 3 место **Бобровская Ирина**. Бусики

Номинация «**Возьмёмся за руки, друзья!**»

- 1 место **Пименов Анатолий**. Храни, Господь, мою Россию
- 2 место **Подкорытова Анна**. Я про войну узнала из тик-тока
- 3 место **Селезнева Татьяна**. И холод остаётся на щеках

Номинация «**Любовью к Родине дыша**»

- 1 место **Ситенко Виктория**. Спелую калиной
- 2 место **Ягналиева Лейла**. Циферблат
- 3 место **Бойцова Ольга**. Прощание с деревней

Поэтический батл «Высшая лига КМП»

В сентябре 2022 года в Центральной районной библиотеке им. Л. Н. Толстого при поддержке Управления общественных связей мэрии города Новосибирска состоялся первый в истории конкурса молодых поэтов поэтический батл «Высшая лига КМП».

Для участия в поэтической битве мы пригласили финалистов конкурса, которые на протяжении пяти лет активно участвовали в наших проектах, присылали свои стихотворения и видеоролики.

На первом этапе батла, который состоялся в формате онлайн-голосования, участники выступали членами жюри и оценивали работы друг друга. Хорошие оценки получили Константин Радужкин, Артём Стойко, Ольга Фокина, Наталья Шпиякина. В финал же по итогам голосования вышли три участника: Максим Сафиулин (Усть-Илимск), Виктория Ситенко (Рубцовск) и Евгений Харитонов (Белгород).

На втором этапе молодые поэты встретились лицом к лицу в формате онлайн-конференции, где прочли свои стихотворения. Жюри предстояла непростая задача: нужно было оценить выразительность и оригинальность исполнения. Ребята оказались не только прекрасными поэтами, но и великолепными чтецами, поэтому было по-настоящему сложно выбрать лучшего. Сильные выступления участников, проникнутые патриотическими чувствами к Родине, до слёз взволновали всех участников батла. А атмосфера поэтической битвы была напряжённой: до конца сохранялась интрига, кто же станет победителем.

Разница в баллах между участниками оказалась незначительной. Победителем и обладателем авторского поэтического сборника стала **Виктория Ситенко**, а второе место разделили **Евгений Харитонов** и **Максим Сафиулин**, получив от жюри одинаковое количество баллов. Искренне благодарим наших друзей за участие и талантливые работы! В будущем мы постараемся использовать новые формы работы, чтобы повысить интерес молодых поэтов – участников конкурса.

РАЗДЕЛ 1

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

ГРАН-ПРИ КОНКУРСА

Товескин Константин

Танк

Танк нашли. Он пропал в сорок первом.
Тёмный остов заметил грибник.
Ржа и время железное тело
Жрали, всё продолжая «блицкриг».
И застыл он – с развёрнутой башней,
В толще иловой – настоroje –
Бой далёкий как будто вчерашний
Завершив на крутом вираже.
...Расчищали, тянули за тросы –
Кто работал, кто шёл «поглазеть».
Вечер. На постаменте откоса
Замер танк, вновь почувствовав твердь.
Этот воин «Тэ тридцать четвёртый»,
Только он слышать мог в тишине
Голоса под бронёй своей мёртвой –
Души ведь не сгорают в огне...
– Эй, Серёга, давай без приказа,
Я же вижу, там взрывы и бой!
Заводи, говорю, до отказа,
Мы ребятам поможем с тобой!
С командиром Серёга не спорил –
Рычаги до упора давил.
...Танк стоял на крутом косогоре
И в движение не приходил.
Нет границ, временных нет законов.
Души видят – лишь помощи нет...
...Лисичанск. Лето двадцать второго.
Внук Серёги. И танк с буквой «Зет».

Повар

– Мама, мама, не плачь,
я в плену.
Да, я жив,
и меня не пытаются.
Ты не верь, говорю,
никому,

Будет суд, и, глядишь,
оправдают.
На меня доказательств –
нема.
Просто повар я,
«главный по кашам»...
Мне везло, ты же знаешь,
всегда,
Как там батя?
Сестричка Наташа?
Крест фашистский?
Да дурость была –
Мне набили, скажу,
против воли.
...Мама, помнишь,
в полёте орла
Мне братан
наколел ещё в школе?
Вот ругалась ты!
Мама не плачь!
Связь плохая... Алё!
Время вышло?
...Время вышло.
И главный палач –
Только память,
Но кто её слышит?
... – Тут ребята
вчера принесли...
Телефон обнаружили
целый.
– Что там?
Видео пыток нашли...
Наш рязанский десантник...
Всё тело –
В звёздах...
Резал «азовец» его –
Гад с заметной тату...
быстрый говор...
Среди свастика – орёл у него...
– Здесь он.
Маме звонит часто.
«Повар»...

И снова бой

Вскрылся пласт
многотонной глыбой –
Ковш истории
зачерпнул –
Корни вырваны,
только дыры,
Да из недр преисподней –
гул...
И в лохмотьях,
со смрадом тленья,
Лезут черти
со всех сторон.
И ползут по земле
их тени
Под раскатистый
грай ворон.
Лишь мгновенье –
и как живая –
Автоматы – наперевес,
«неомёртвоголовых» стая –
И на каждом –
печать «СС».
Взгляды – мрачны,
зловещи – души,
Свастик месиво –
на телах.
Тьма ведёт их
стрелять и рушить,
Сеять ненависть,
смерть и страх.

...Но их всё же раздавит
небо.
Грай ворон
перекроет вой.
Чтоб фашизм на Земле
не был –
До сих пор...
продолжаем бой!

Несокрушимое

*...И мы сохраним тебя,
русская речь,
великое русское слово.
А. Ахматова*

Тёплый выдох
из губ разомкнутых –
Воздух звуками
вышит в край.
А душа-полотно –
разоткана –
Хоть до небушка
расстилай!
Изурочить,
порвать узорное
Сил не хватит
и куража!
Сколько выжжено,
сколько взорвано...
Режет Родину
зла межа!
Но сорвётся
горячей силой
Ветер с губ –
из родимых слов,
И поднимется
дух России,
Отряхнув ложь
как хват оков!
И восстанут
все сказы древние,
Все
былины-богатыри,
И все сказки,
и колыбельные
С русской мощью
родной земли!

Небо

Небо, небо!

Слышишь?

Оставайся чистым –

С каждым вздохом

силы

От тебя – чуть-чуть!

– Капитан, ты

дышишь?!

Мы доедем быстро,

Просьба, Димыч,

слишком

Крепко не уснуть!

Кровь

бинты и форму

Пастью съела

бурой.

Небо –

близко-близко –

Отведи ладонь.

Мы доедем скоро!

И всё шепчут губы,

разрывая кожу,

Тихое: Огонь...

Небо давит

синюю.

Гоним сто –

не меньше.

До санбата –

близко –

– Потерпи, браток!

Запах трав

войною

с гарью перемешан.

...Губы воздух сжали,

Заберя глоток.

Небо скрыли тучи

Камуфляжем тёмным.

Вон уже носилки,

Ты держись, казак!

...Тишина упала

грузом многотонным –

...Вверх смотрело небо

синее в глазах.

Номинация

«Судьба и Родина едины!»

1 место

Щитов Иван

Не хочу о войне ни сегодня, ни после.

Пусть напишет о ней, кто далёк от войны,

Кто не видел заката багровые гроздя

И запачканный кровью бушлат старшины.

Пусть расскажут о ней, кто войны

не вдохнули,

Миллионы диванных поэтов-воjak,

Не познавших, что, если ты слышишь свист

пули,

Эта пуля другому – она не твоя.

Можно всё оправдать – только нужно ли это?

Видно, слишком мы были Отчизне верны,

Чтоб легко пренебречь девятнадцатым летом

И уже никогда не вернуться с войны.

Не хочу о войне – окровавленной каше.

Без того нервы памятью обнажены...

Только голосу мёртвых солдат не прикажешь

Не врываться холодной строкой в мир живых.

2 место

Лунин Максим Я убит под Орлом...

*Памяти прадедушки Андрея Максимовича Лунина,
погибшего 25.02.1943 года у деревни Обыдёнки
Орловской области, посвящается...*

Я убит под Орлом, на Орловской земле,
Мне б рукой дотянуться до дома,
Не открыть мне теперь ту скрипящую дверь,
Что до боли в груди так знакома.
Я убит под Орлом, значит, доля моя
Здесь навеки лежать, но я знаю.
Я смирился с судьбой среди шквала огня.
Я не зря здесь сейчас погибаю.
Да, убит под Орлом за родную страну,
За семью и за Курские дали.
Я – среди тысяч, ушедших на эту войну,
Что вернуться домой обещали.
Брат за брата лежим мы в холодной земле,
Враг позиций не взял, отступили.
Тёмно-алая кровь на моём рукаве –
Видно, не обошлось, зацепили.
Вот уже за спиной Курск и Северный фас,
Вдалеке виден контур дороги,
Нам осталось, браток, потерпеть только час.
Не умрем, мы дождёмся подмоги.
Бой не скоро затих, всё пылало в огне.
Жаль, что этот рассвет не встречали
Те солдаты, кто пал на Орловской земле,
Те, кто грудью за Родину встали.
Враг был сломлен в тот день и уже никогда
Не наступит на землю святую,
Он запомнит навек, как стояла «Дуга»!
Эту битву, для всех роковую!
Я убит под Орлом, на Орловской земле,
Многим эта судьба так знакома...
Я иду в небесах по зелёной тропе...
Я рукой дотянулся до дома...

3 место

Бобровская Ирина **Бусики***

Она любила весело смеяться,
По дому бегала, как будто заводная.
Любила бусы, бантики и платья
И маме потихоньку помогала.

Дочушка-солнышко для мамы и для папы,
Опора бабушке, подружка для сестёр.
... Война сожгла и жителей, и хаты,
Остались бусики. И больше ничего.

Скажите, чем она успела провиниться?
За что ребёнка заживо сожгли?
Пусть бусики в огне им будут сниться,
Проклятьем будут вечным для души.

Семь лет девчужке, драться не умеет,
Оружия не знала никогда.
Что она вам, солдаты, может сделать?!
Как вы посмели с детством воевать?!

Деревни нет, сожгли родных и близких.
Не смейте же, потомки, забывать,
Как на уже остывшем пепелище
Остались только бусики лежать...

** Стихотворение основано на реальных событиях и посвящается памяти Крепкой Фэли. 20 января 1943 года деревня Межное Осиповичского района Могилевской области была сожжена вместе с жителями. Семилетнюю Фэлю, её бабушку и дедушку сожгли на глазах у матери. Саму Стефанию Крепкую отправили на медкомиссию в город, но по пути она сбежала. На уже остывшем пепелище безутешная мать нашла бусы единственной дочери и ремень своего отца...*

Номинация

«Возьмёмся за руки, друзья!»

1 место

Пименов Анатолий

Храни, Господь, мою Россию

Храни, Господь, мою Россию,
И дай по благодати Твоей
Детишек умных и красивых:
И дочерей, и сыновей.

Прости за всё, Отец Небесный!
За алчность, что вела к войне,
За то, что этот край прелестный
Мы испоганили вполне...

Нам без Тебя всё не исправить,
Дай избавленья от оков,
От тех, кто хочет нами править
Из чужеземных городов.

Храни, Господь, мою Россию,
Тех, кто печёт, куёт металл,
Тех, кто жизнь делает красивой
И тех, кто это прочитал,

И тех, кто это прочитает,
Один, со мной иль без меня,
И каждого, кто осознает,
Нательным крестиком звеня.

2 место

Подкорытова Анна

Я про войну узнала из тик-тока
До боли жалко, до стыда правдиво
Ввели войска, снаряд упал с востока
И оператор дрогнул нерадиво

Внизу хэштег #намненужна война
Мы никогда вам не были врагами
Но Моська долго злобила слона
И слон пришёл слоновыми шагами

Он груб, огромен, но не целит в спину
А звери разбежались по вольерам
Растерзанная бьётся Украина
Без доли тех, кому сдалась на веру

Они направят созданный мандатом
Вам список дел, грозящий стать
беклогом
Как те друзья, что в вашей ссоре
с братом
Уходят под надуманным предлогом

Как снег, безмолвна, непоколебима
Бесстрашная встаёт моя Россия
Для всех виновна
Всеми нелюбима
До зла сильна
До ужаса красива

Нас жаждут уничтожить безоружно
Предательски упавшими рублями
Нам тянут руку, призывая к дружбе
Те, кто вчера нас звали москалями

С Россией Бог, а значит –

Божья милость

Но вновь она у мира на распяте
Как девочка-изгой на бал явилась
В так непохожем на другие платье

Давно пора признать – мы не похожи
На тех, кто прёт за мир и землю

крошит

Ни помыслом сердец, ни цветом

кожи

Ни нашим общим долгим горьким

прошлым

Где твой и мой в строю стояли пращур
Под флагом грозной и непобедимой
Они не знают, кто мы в настоящем
В том прошлом мы по-прежнему
едины

Так вот моя рука! Я брат, сестра ли
Мы никогда не станем вам чужими
Мы ничего чужого не забрали
Мы, как и вы, войны не заслужили

Не смерть к тебе идёт в солдатских

берцах

А избавление от пут чужого барства

Мы прожжены одним славянским

сердцем

Великим, как два наших государства.

3 место

Селезнева Татьяна

И холод остаётся на щеках,
И небо снегом падает на плечи.
Над городом – такие облака,
Что кажется, уже не будет легче.
В прозрачном свете редких фонарей
Всё выглядит фальшиво и нелепо.
И нота «ми» звучит как нота «ре»,
И белый снег слетает серым пеплом
На тени тёмных улиц и домов,
На варежки из самой тёплой шерсти.
В сырых сугробах низких облаков
Озябшие слова качает ветер.
И почему-то ноет под ребром,
Как у Адама перед встречей с Евой.
...А небо вниз швыряет серебро,
И, кажется, становится светлее.

Номинация

«Любовью к Родине дыша»

1 место

Ситенко Виктория

Спелую калиной,
Песней соловьиной,
Енисеем, Обью, Волгой разлилась.
Стала ты могучей,
Зла развеяв тучи,
Ты Великой Русью издревле звалась.

Снежною зимою,
Красною весною,
Танцами и песней славилась всегда.
Смех капли звонкий,
Словно у девчонки!
Русь своей душою вечно молода!

Предков чтя могилы,
Выложив все силы,
Рубежи спасая, насмерть ты дралась!
Снова поднималась,
Смело защищалась.
Ты не зря Могучей издревле звалась!

Как тебя ни били,
Дух твой не сломили:
На твой лик чудесный не прилипнет
грязь!

Сердце всем открыла,
Недругов простила.
Ты не зря Святою издревле звалась.

Там, где правда будет,
Где всех Бог рассудит,
Там, где будет вера, там и будет Русь!
Родина золотая,
Ты одна такая!
Я в тебя лишь верю, за тебя молюсь!

2 место

Ягналиева Лейла

Циферблат

*Посвящается любимому дедушке
Сайдашеву Фарату Насрутдиновичу*

Ушёл навек. И жизнь остановилась.
Мир изменил свою величину...
И замер покаянно опостылый
Будильник мой, почувствовав вину.

Ушёл навек. Я не была готова.
Беседы прекратить о бытии...
О снах многострадального Иова
Мы так и не смогли поговорить...

Ушёл навек. Оставил незакрытым
Роман «12 стульев». Насовсем.
Отныне шелест тоненькой страницы
Не дарит повод для извечных тем...

Ушёл навек. Взирает как и прежде
На гладь воды перовский «Рыболов»,
В той комнате ещё легенды свежи
Про Лешего, Ягу и Баюнов...

Ушёл навек. Аскет и трудоголик,
Он жил с открытым сердцем.
Не играл.

И дочери сказал, не чужа боли:
«Не опоздай. Работа. Всё, пора.»

Ушёл навек. Мне вера стала свайей:
Бессмертен дух (нетленный постулат).
И всё равно нередко ощущаю
На месте сердца рваный циферблат.

3 место

Бойцова Ольга Прощание с деревней

Я в этих окнах вижу тишину,
Где наскоро забиты, где без стёкол.
Я видела деревню не одну.
Но эта пустота бьёт будто током.
Зарос малиною покатый переулок,
Здесь к озеру мы бегали детьми.
И прятались тайком, когда с прогулок
Не удалось вернуться до восьми.
А здесь жил конюх добрый, дядя Петя.
Теперь от дома лишь один скелет,
Он помогал дружить приезжим детям
С его лошадами. Отличный был сосед.
А здесь у тётки Люси были гуси!
И мы порой от них бежали прочь.
Но дом пустой, и нет уж тётки Люси,
И среди дня из окон смотрит ночь.
Давно нет бабушки, и хата развалилась.
Колодец лишь стоит как часовой.
Я здесь девчонкой маленькой резвилась,
Теперь уже есть внуки у самой.
Здесь сердцу пахнет хлебом и малиной,
Совсем другая грусть, она светлей.
Как будто защищенное молитвой
Не гаснет детство в памяти моей.

РАЗДЕЛ 2

**«БУДТО БЫЛ Я
ВЧЕРА НА ВОЙНЕ...»**

Александрова Анна

*27 января – день снятия блокады
Ленинграда*

Сжимая руки тонкие кольцом
Стеной сошлись – и отразили голод.
Живые люди волей и свинцом
Для нас с тобой спасали этот город.

Они не ждали славы и наград,
И может быть, спустя десятилетия
Что он когда-то звался Ленинград,
Уже не смогут вспомнить наши дети.

Им это горе будет невдомёк,
они устроят танцы на могилах.
Но позабыть истории урок
Никто из них, наверное, не в силах.

Когда, любясь раннею весной,
С распахнутыми светлыми глазами,
По Невскому «опасной стороной»
Пройдут они, о том не зная сами,

Пред ними встанут призраки войны,
Разбитой о гранитные ступени,
И все, кто кровью были спасены,
Опустятся безмолвно на колени.

Наш город жив, хоть нет на свете мук,
Которых он не принял в дни блокады.
Замри на миг, услышав мерный стук –
Ведь это бьётся сердце Ленинграда.

Воробьева Мария

Мальчишка

Фашисты бомбили ночью,
Когда тишина на селе.
Тела разрывало в клочья,
Пылали дома в огне.

Пожары горели сутки,
Но выжил один «герой»:
Мальчишка, совсем малютка,
Привстал над густой травой.

Он спрятался возле леса,
Как мама сказала ему,
От дыма густого завесы,
Лицо опустив в траву...

А слёзы катились градом,
Но он тихо-тихо лежал.
«Терпи – и придёт награда!» –
Отец перед фронтом сказал.

Над домом своим сожжённым
Поплакал малыш часок.
Потом, сил почти лишённый,
Потопал в родной лесок.

Он громко кричал, звал маму!
И встретил троих солдат:
Мальчишка, счастливый самый,
Идёт в партизанский отряд...

Война отгремела вскоре,
Ведь наши пошли напролом!
Страна забывала горе,
А мальчик попал в детдом.

Лишь тёмной глубокой ночью
Тот день часто снился ему:
Тела разрывает в клочья,
Роняет он слёзы в траву...

И после войны той ада
Женился, отцом он стал:
«Герпи – и придёт награда!» –
Он сыну своему повторял:

«Будь сильным, сражайся за дело,
А встанешь, так стой до конца!»
В игрушки малыш неумело
Играл. И всё слушал,
всё слушал отца...

Воробьева Мария **Письмо**

В ветхом пакете из целлофана,
Что может порваться едва,
В старом шкафу, что стоит у дивана,
Пачку я писем нашла.

Руки дрожат, открываю конверты:
Дедушка пишет с войны.
И представляю так явно моменты
Из той «кровожадной» весны.

«Милая, Таня! Вот и окончен
Под Севастополем бой!
Мы победили, Милая Таня!
Скоро вернусь я домой!

Много убитых и раненых много.
Чудо, что жив я, родная!
И под обстрелом молился я Богу,
Имя твоё повторяя!

Как наши дети? Как ты, Танюша ?!
Как твоя мама? Отец?!
Все бы отдал я сейчас, чтоб послушать
Стуки любимых сердец!!!

Ждите! Целую! Скоро приеду!
Вас обниму, что есть мочи!
Милая, верю, скоро победа!
Люблю тебя, Танечка, очень!»

Капают слезы мои на бумагу.
Вечная память, храбрый герой!
Посмертно вручили медаль
«За отвагу»:
Дед не вернулся домой...

Много душевных слов, настоящих
О сердце ударились звонко.
В стопке из писем, в пакете лежащих,
Последним была «похоронка»...

Гаспарян Карина

В сорок первом году, летним утром душистым

В сорок первом году, летним утром душистым,
Чью-то жизнь оборвал первый вражеский выстрел...
Зарыдала страна, провожая бойцов,
Сыновей и любимых, мужей и отцов.

Уходили, дома покидая, солдаты,
Каждый верил, что скоро вернётся обратно.
Уходили крестьяне, хлеб в полях оставляя,
И шумели колосья, их на смерть провожая.

Уходили рабочие, цех покидая,
Затихали станки, смену им ожидая...
И на тяжких четыре года горькой разлуки
За мужскую работу брались женские руки.

Руки те, что жалели, любили, ласкали,
Стали чёрствыми, крепкими, сильными стали.
След улыбок война с женских лиц прогоняла
И слезами глаза до краёв наполняла.

Ожидали солдатки треугольные письма,
Чтоб узнать о родных, хоть далёких, но близких...
Треугольником сложенный лист из тетрадки
Ожидали солдатки и трудились солдатки.

Слава Женским рукам, что победу ковали,
Хлеб растили, снаряды в цеху отливали!
Слава Женским глазам, что от слёз высыхали,
Если горькие строки похоронок читали.

И победной весной сорок пятого мая
Стали слабыми вдруг, сыновей обнимая,
Победители – женщины! Вы без медалей
Берегли и хранили, страдали и ждали!

Слава всем безымянным героиням Победы,
Что в тылу пережили все военные беды,
Что детей сберегли и мужей дождались,
Не сломались, не сгнули и не сдались!

Ермакова Александра Любовь и ненависть

Посвящается моим деду и прадеду

Отец любил читать мне перед сном,
Вполголоса, чуть-чуть сбиваясь с ритма,
По памяти историю о том,
Как Бармалей напал на Айболита.

Отец ушёл, когда мне стукнул год.
Ушёл, растаял в сумраке вороньем.
Что я и мать напрасно ждём его,
Поведали нам строчки «похоронной».

В тот год вскипала ненависть в сердцах.
Бывало, скрыв жестокую обиду,
Советовала мать: «Расти в отца!
Отец умел любить и ненавидеть!»

Расти, сынок, и будь таким, как он...»
И голосом, сбивающимся с ритма,
Читала мне тихонько перед сном
По памяти того же «Айболита».

Как хорошо мне было рядом с ней.
Я засыпал... Но просыпался тут же.
Мне снилось, что ужасный Бармалей
Поджаривал меня себе на ужин.

Я просыпался, плача и дрожа.
(А в комнате бродили мрак и стужа).
Но ненавистным «Юнкерсом» кружась,
Действительность была намного хуже.

Динамик выливал сирены шквал,
Вложив в неё всю мощь магнитных
лёгких.

Посёлок напряжённо замирал,
Одетый в траур светомаскировки.

Я цепенел. Недетский страх змей
Вползал ко мне в кровать под одеяло.
Но, помню, мать брала дитя своё,
Дрожащими руками одевала.

Подняв платок к скривившемуся рту,
Она со мной в подвалы торопилась...
А наверху густую темноту
Прожектора лизали торопливо.

А наверху орудия, гремя,
Выплёвывали огненные чёлки.
Стонала обожжённая земля,
Дробилось небо в острые осколки.

Весь этот ад вползал в сердца людей.
Подвал смолкал, от ужаса немея.
Всё это было, словно Бармалей.
И в сотни раз страшнее Бармалея!..

Так детство шло.
В нём были холод, страх,
Избыток слёз и недостаток хлеба.
А время – строгий маятник в часах –
Упорно приближало День Победы.

И он пришёл! Победный фейерверк
Фонтаном искр взметнулся

над посёлком!

Как будто люди выбросили вверх
Своих сердец горящие осколки!

Но этот залп ликующих сердец
Не удалось погибшему увидеть...
Сегодня я и сам уже отец.
Учусь, как он, любить и ненавидеть.

И точно так же, как когда-то он,
Вполголоса, чуть-чуть сбиваясь
с ритма,

Весёлому сынишке перед сном
По памяти читаю «Айболита».

Я благодарен своему отцу
За то, что землю обновлённой вижу.
И, в благодарность павшему бойцу,
Сегодня я люблю и ненавижу.

Любовь моя – израненной земле,
Что слёз и горя вынесла довольно.
А ненависть сполна получают те,
Кто в эти дни живёт мечтой о войнах!

Зинченко Инна **Солдаты**

Возвращаются домой солдаты,
Под крыло их ждущих матерей.
Как в родимые и тёплые пенаты
До родных родительских дверей.

Возвращаются домой солдаты...
Не с букетом и улыбкой на лице.
Возвращаются в родимые пенаты
В равнодушном цинковом ларце.

Возвращаются, победы не дождавшись,
До победы не дойдя, не добежав.
Так отважно за неё сражавшись,
Так бесстрашно свою жизнь отдав...

Возвращаются прозрачной белой стаей,
Разлетаясь по родным местам,
Где, страницы памяти листая,
Будут помнить их по именам.

В алых розах и гвоздиках утопает
Их последний путь в земной тиши.
Улетает стая, улетает
На поля, где видно миражи.

Троекратные грохочут залпы,
Всполошивши стайку журавлей,
Провожая мужественных, храбрых,
Нашей Родины отважных сыновей...

Игнатенко Анна **Возвращайся, сынок!**

Возвращайся, сынок, я здесь.
Здесь, у нашего старого дома.
Вдаль смотрю на берёзовый лес:
Силуэт вдруг увижу знакомый...

Я теперь плохо сплю по ночам
И всё реже в наш сад выхожу.
Там уже зацвела алыча –
Повезло ей вновь встретить весну.

А тебе, мой сынок, повезло
Стойко выстоять этой зимой?
Дышишь ты? Бьётся сердце твоё?
Ищут ноги твои путь домой?

Ищет слух соловьиную трель,
Зорькой утренней рвушую тишь?
И поющую звонко капель,
Что просторы покинула крыш.

А глаза твои ищут меня?
У сирени, что мы посадили.
Будто слышу твоё: «Вот и я...
Веришь, матушка? Мы победили!»

Оглянусь, а вокруг – никого.
И глухая стоит тишина.
Знать, сынок, ты совсем далеко,
Там, куда не приходит весна...

Отцвела без тебя алыча,
Песнь отпели свою соловьи.
В мае в дом наш Победа пришла.
Только вот... не пришёл с нею ты.

За окном поседел старый лес.
Не стареют лишь мамины раны.
Возвращайся, сынок, я здесь.
Ждать тебя никогда не устану.

Игнатенко Анна
Я вернулся, мама, я живой

Я вернулся, мама. Я живой.
Это сон тебе страшный приснился...
Вот я в старости: волос седой
На моей голове поселился.

Вот мой сын. Так похож на меня!
А глаза, как твои, голубые...
Я, всем сердцем тебя любя,
Эти письма писал фронтовые.

Каждой строчкой тебя обнимал.
Слёзы смахивал, чтоб не душили.
Я наш дом по ночам вспоминал,
Руки грея в солдатской шинели.

А когда я в окопе лежал,
От разрыва гранат цепenea,
Я к дрожащим губам прижимал
Крест, что ты мне надела на шею.

Мама, веришь, стонала земля!
С каждым павшим протяжно стонала.
Мам, я плакал, но слабый ли я?
На глазах моих жизнь угасала...

Я её, эту жизнь, защищал.
Рядового тасил, генерала.
Я их телом своим закрывал,
Чтобы пуля врага не достала.

А когда вдруг достала меня,
Прямо в сердце, туда, где болело,
Я упал, но сломила война
Лишь моё бездыханное тело.

Я вернулся, мама. Я живой.
Я во сне к тебе снова вернулся.
Под дождём стою. Волос седой
Лишь едва головы прикоснулся.

Не обнять. Не коснуться руки.
Высоко сын твой в небо взметнулся.
Видишь, в небе летят журавли?
Я одним из них обернулся.

Королёва Алиса
Памяти Марии Байды

Мечтала Маша с детства стать врачом,
К экзаменам готовилась упорно.
Энергия и бодрость бьют ключом.
Увы, война поставила препоны.

Две сотни дней. Сраженьям нет конца,
Но Севастополь держит оборону.
Мария вновь спешит помочь бойцам,
Бежит туда, где раздаются стоны.

Вновь наступленье: нет пути назад!
Вступила в бой отважная Мария.
Строчил без остановки автомат,
Не разобраться: мёртвые, живые...

Сквозь мрак ночной, по тропам боевым,
Вконец опустошённая войною,
Вела Мария раненых к своим.
Поля дремали, пьяные от зноя.

Санбат, разведка, отдых, снова в бой...
Всё изменилось за одну минуту:
Фашистский плен – остаться бы собой!
А дальше... Зальцбург, Ровно и Славута.

Превозмогая ад концлагерей,
Разведчица продолжила бороться.
Борьба за жизнь становится острее,
На грани человечности и скотства.

Два страшных года... Но – конец войне!
Мария начала работать в загсе.

Его тоже втолкнули
Этой ночью в фургон.
Тьма сгущалась и тлела,
Догорала дотла.
В яму падало тело
На другие тела.
Их убили в потёмках.
Расстреляли в упор.
Лишь листвою негромко
Шелестел школьный двор,
Говорил с тополями,
Что в песчаном логу
Часовыми стояли,
Но поддались врагу.
Между трав полевых,
Между слов полустёртых
Вспоминаю живых,
Забывая о мёртвых.

** Эвакуация в Хохол*

*Стихотворение посвящено городу
Воронежу и победе русского народа
над немецко-фашистскими захват-
чиками в Великой Отечественной
войне.*

*27 августа 1942 года к школе, где
помещался госпиталь, подъехали
две машины. Прибывший немецкий
офицер объявил, что госпиталь эва-
куируется из Воронежа в сёла Ор-
ловку и Хохол, и предложил боль-
ным грузиться на машины. Выехав
за город, машины свернули к песча-
ному логу, остановились, там не-
мецкие солдаты потребовали, что-
бы раненые сошли на землю. Людей
заставляли ложиться лицом к земле
и в упор расстреливали. Общее чис-
ло расстрелянных – 452 человека.*

Лоскутова Екатерина

9 Мая

Уже не пушек грозные раскаты –
Гремит по небу праздничный салют.
Как в том году победном – сорок пятом,
Бойцы уставшие нестройно запоют.

Пусть с каждым годом остаётся меньше
Их, подаривших нам великий май...
Но соберутся вместе, как и прежде,
Чуть улыбнувшись, скажут: «Запевай!»

И запоют про фронтовые бури,
Про наступленье песни, про салют...
Друзей помянут тех, что не вернулись,
И фронтовых сто грамм за них нальют...

Припомнят, как тогда, в военкомате,
Лет приписав себе, пошли на фронт,
Девчонки как вчерашние в санбате
Спасали их под грозным градом бомб...

Как хрупкие принцессы выносили
С полей сражений раненых бойцов
И благодарностей за это не просили:
«Ты только выживи! Не умирай, браток!»

Как на опушке фронтового леса,
Когда без боя выпал вечерок,
Все танцевали и из интереса
Мечтали, что вот-вот война пройдёт,

Что победим, что снова к жизни мирной
Вернутся все, чья молодость прошла
Под гул бомбёжки и на поле минном...
Что вновь наступит мир и тишина.

Четыре долгих, горьких, трудных года.
Четыре года, отнятых войной...

Война не стран была. Война народа –
И справился он с общею бедой.

И пусть сейчас стареют ветераны,
От нас уходят... нет, не навсегда!
Ведь подвиг их и боль от каждой раны
Забыть не сможет ни одна страна!

Гремит салют, как в том победном мае,
У ветеранов слёзы на глазах...
И каждый пусть из нас не забывает
Сказать «спасибо!» этим старикам...

Лоскутова Екатерина Мы помним!

*"Памяти павших будьте достойны!
Вечно достойны!"*

Р. Рождественский. "Реквием"

Вновь, как прежде, звучит «Рио-Рита»,
Снова парочки кружатся в вальсе –
Говорим: «Ничего не забыто!»
Дорогой ветеран, не печалься!

Ты прошёл сквозь снега и пожары,
Ты друзей хоронил после боя,
На привале под звуки гитары
Песни пел ты про встречу с женою...

А сегодня, Девятого Мая,
Весь концерт подпевал понемногу...
Не потеряна память – живая!
И мы знаем к победе дорогу...

Молодёжь двадцать первого века
Эту память стереть не позволит!
Скажем каждому мы человеку:
Павших памяти будь же достоин!

Сколько было их – жён не обнявших,
Не увидевших дочку иль сына,
Но Отчизну свою не предавших –
Сколько их лежит в братских могилах!

И сегодня на мирное небо
Мы Девятого Мая посмотрим,
Со слезами прошепчем: «Победа!»
Знаем цену Победы. И помним...

Пименов Анатолий О Батюшках лихой войны

О них расскажут вам едва ли,
Кто дважды Родине служил,
Чей крест дороже, чем медали,
А голос в вечности застыл.

Они, как ангелы, седые,
Хранили верой города,
В голодные сороковые
Их отмолили от врага.

Не выдавая наши планы,
Не забывая тяжкий плен,
Они залечивали раны
И поднимали Русь с колен.

Ту Русь, в будёновке, шинели,
В тяжёлой каске и бинтах,
Изрешечённую шрапнелью
И измождённую в боях.

Они кадили и кропили,
Взяв на себя грехи сынов,
А после из траншей палили,
Из ровов и из-за валунов.

Они в молитве не устали,
Да лишь бы дальше шли сыны.
О них расскажут вам едва ли,
О Батюшках лихой войны.

Пименов Анатолий
Дети войны

Тёмная комната с голодом, жаждою.
Сорок три ночи с надеждой на свет.
Дети горели, горели заживо...
Жёлтый огонь не давал им ответ.

За что? Перед кем же они виноваты?
Что кровь у них брали и в чёрный барак
Никак не пробьются отцы их, солдаты,
Их хрупкие кости в зубах у собак.

Вчера это всё, это всё миновало.
Вдали виден свет, растворяется вонь.
Терпения в холоде недоставало
Погреться немного, увидеть огонь.

И старые выли сильнее, чем ветер,
Не в силах сдержаться на крики детей,
Дети горели, горели дети...
И не было звука на свете страшной.

И не было, кажется, звонче и горше,
Оборваны жизни, как вихрем листа.
Помните это, Латвия с Польшей?
Помнишь, Эстония? Помнишь, Литва?

Пименов Анатолий
Ангелы войны

Как много их, не видевших отца,
Не знавших материнскую заботу,
Чуть больше беззаботного скворца,
Чей прах остался где-то у болота.

Оторванные немцем от груди,
Не разглядев полуденного солнца,
Они тонули где-то посреди
Простого деревенского колодца.

Они кричали, слёзы матерей,
Растерзанных на этой же дороге,
Катились по щекам своих детей,
Когда они встречались там, у Бога.

Как ангелы, взлетали из глубин
Над пепелищем выжженных станиц,
Они ложились инеем седин,
И дула, темнотою их глазниц

Смотрели на немецкого врага,
И на полях отцы детей встречали,
Когда тела их зимняя пурга,
Навечно избавляла от печали.

Как много их, не помнящих порог,
Застреленных в церквях пред
образами,

Что видели эсесовский сапог
Безвинными наивными глазами,

Их братьев, тихо сброшенных с моста,
Родившихся от точного удара,
От сапога по низу живота,
От автоматной очереди жара.

Они горели в старых деревнях,
В колодезных захлёбывались водах,
Повешенные в бабкиных сенах,
Они так и не встретили свободу.

Они отцов хранили как могли
И плакали с дождями так уныло,
Когда Иваны падали в пыли
И попадали в братскую могилу.

Как много их, не видевших отца,
Не знавших материнскую заботу,
С небес желавших мирного конца
И плачущих на вскрики пулемёта.

Пименов Анатолий
Иван и Янис

Разъезд. Пехота бой ведёт.
Снег павших ночью укрывает.
И новый полк уже встаёт,
Родная речь объединяет.

Плечом к плечу идут Иван
И Янис из-под Риги старой,
Он ляжет под Москвою сам,
Братаясь с русскими на Наре.

Отец убит, пропала мать,
А дочь в концлагере у немца,
И он, проваливаясь в гать,
Оставил у разъезда сердце.

Тянулись дни, а наш Иван
Всё скрежетал холодной сталью,
Он трижды попадал в капкан
И гнил на койке госпитальной.

Пусть он к Берлину не попал,
Не все мечты бойца сбылись,
В проломе самым первым встал,
Когда ворвались в Саласпилс,

Когда в такой дали от дома
Он разыскал чужую дочь...
И вспоминал после разгрома
Своё село, разъезд, ту ночь.

Пименов Анатолий
Пятнадцать лет, сирены прогудели

Пятнадцать лет, сирены прогудели,
За фабрикой раскатывался вой.
Сегодня все мальчишки повзрослели
И, приписав по году, рвались в бой.

Худые, низкорослые, как прежде,
Они смеялись, оживив вагон,
В безликой форме, вспоминая реже
От первых бомб обрушившихся стон.

И вот он в кавалерию направлен,
Ночное время, русские леса,
Сюда обоз немецкий переправлен
Где вражеская нынче полоса.

Да так к костру спокойно и подъехал,
Схватил того, который пожирней,
Стреляют в спину, больше не до смеха,
И тёмный лес становится мрачней.

Привёз к своим, у штаба камня,
Не спал всю ночь, распоряженья ждал.
Наутро алым цветом пламеня,
В строю он новым орденом сиял.

Он не любил рассказывать об этом,
Как падал, сверху сыпалась земля,
Как замерзал внутри воронки летом
И как горел в начале февраля.

Мне было семь. Рассказывал он мало,
А умер в год, когда кончался век.
И орденская патина металла
Всё помнит про его пятнадцать лет.

Пименов Анатолий
Партизанский батюшка
Александр Романушко

Люди ныли, восклицая,
Как ужасен этот век —
Хоронили полиция
Два десятка человек.

Батюшку найти непросто,
Местный оним отказал,
Партизанский без вопросов
Им на небо указал...

Агитатор и подпольщик,
Скрыв крестом десятков ран
Рвётся голос зычно, мощно,
Настоящий партизан,

Он приблизился к «кумиру»,
Тех, кто с горечью молчал,
Только не «покойся с миром»,
А «анафема» – кричал.

«К вам, заблудшим, просьба эта
Искупить пред Богом гарь,
Заживо зарытых летом,
Жжёный купол да алтарь,

Обратить своё оружие
Против тех, кто против нас».
И закаралась в души стужа,
И умолк народный глас...

И рассыпались по хатам
Буквы эхом чёрных ран,
Полиции виновато
Шли в отряды партизан.

Шли за Родину невежды,
Он простил и Бог простит,

Пулемёт звучит, как прежде,
Но за наших он хрипит.

Нет оружия – есть вера,
И в душе разбитый храм,
Для отряда вечно первый,
И в руке его наган.

Да патронов только мало,
Да годов уже сполна...
Даже каска из металла
В поле деду не нужна.

Даже танковая пушка
Его сердце не страшит,
Александр Романушко
Вновь с молитвою спешит.

Пименов Анатолий
Помнишь, Порхов?

Протоиерею П. Студентову

Помнишь перья белых крыльев,
Гарь войны, свечной огонь,
Как бомбила эскадрилья
Шлем твой, Порхов, и Шелонь

Встала в крепкие морозы,
Не проглядывалась даль.
Немцы выжгли все обозы,
Немцев стужей жёг Февраль.

И тогда Господь управил
Сохранить святую глушь,
Так отец Студентов Павел
Спас во храме триста душ,

Сколько влезть сумело в стены,
В известь древнего кремля,
Точно трубы мёрзнут вены,
Словно воск дрожит земля.

Немцы требовали сдаться.
Он молчал, крестил в ответ.
Продолжал обороняться
Православный русский дед.

Он не вывел, он не выдал,
Не предал и не продал,
Тень фашистская, как идол,
Смех заморский ускользал.

Обещали взрывом выбить,
Угрожали просто сжечь...
Псковский край не пересилить,
Вновь звучит родная речь.

Снова веет русский ветер,
Снова реет красный флаг,
И бегут из храма дети
На советский правый фланг.

А в проёме ангел старый
С непреклонной головой,
Несмотря на строй и кары,
Духом доблестным живой.

Его пуля не коснётся,
Не ударит красный штык,
Басурманам не сдаётся
И своим-то не привык.

Помнишь, Порхов, время было
В памяти большой страны –
Под обстрелом крепость выла,
Гнулись свечи, но не мы!

Пименов Анатолий **Подарок с фронта**

– Папа! Купи мне, пожалуйста, мишку!
– Будет! А завтра идём по грибы!
Тихо деревья качаются. Тише.
Зелень июньской дворовой травы.

Ночью не спится – пульсируют вены,
Грохот колёсный качает вагон...
– Папочка, папа, – летит через стены.
Скрылся уже вдалеке эшелон.

Танк обгоревший и звук автомата,
Бак догорает при свете луны...
– Папочка, помнишь, пожалуйста, папа!
– Помню! А значит, мы выжить должны!

«Тридцатьчетвёрки» ползут по Европе,
Выжжена улица, пепел витрин –
Мишка-танкист и с отцом по болоту
Пуговкой смотрит на крепость седин.

Речь автомата – развёрнуто знамя!
На паровозе примчался он в срок!
– Зиновья! Дочка! Тебе обещал я...
И молча сел на пустой бугорок...

Понделко Сергей

Гитлера со сворой палачей
Потянуло в дальнюю сторонуку,
Чтобы «азиатских дикарей»
Приручить. Да только всё без толку –

Были биты, как и в старину
Пруссаки позорно прочь бежали.
Чтобы нашу проглотить страну –
Рот такой отыщется едва ли!

Слущкий Алексей
Он был одним из миллионов*

В первой декаде мая 1941 года Европу сотрясала война. Бомбёжки, разрывы снарядов, крики, утрата близких... А на советской земле в это же самое время царил мир. Широкие слои населения были уверены в завтрашнем дне, честно работали, строили планы и создавали семьи.

Два друга как-то повстречались.
Договорились в выходной
Знакомство родственников справиться.
Расчёт был их весьма простой:

У одного племянник холост,
А у второго есть сестра
Жены. Собрать их точно хворост,
И может, вспыхнет там искра?

Любаша долго не хотела
Куда-то в гости уходить.
Но всё равно сестра сумела
С трудом её уговорить.

Вот за столом родня, подруги,
И рядом Он. Серьёзный взгляд.
Высокий, стройный. И не курит.
Хороший мастер, говорят.

Зовут Иваном. Из рабочих.
(Тогда им был везде почёт.)
Серьёзный путь карьерный прочил
Станкостроительный завод.

Сидели рядышком весь вечер,
Вели неспешный разговор.
Но не сказать, что рады встрече,
В глазах не виден был задор.

И что-то как-то засиделись.
Смеркалось быстро на дворе.
В путь дальний ехать не хотелось,
Зачем бродить по темноте?

Изба большая, комнат много.
Все расстелились – можно спать.
Любаша с Ваней лишь немного
Ещё решили поболтать.

Вдвоём на кухонке остались,
Беседу долгую вели.
Так до утра и не расстались,
Когда пропели петухи.

А утром, трапезу закончив,
Иван Любовь свою повёл...
Куда б вы думали? В дом отчий?
Почти: в ЗАГС вместе с ней пошёл.

Видать, искра меж них мелькнула.
Высоких чувств пришла пора,
И окрылённые супруги
Союз скрепили навсегда.

Эх, молодость... поздравим пару!
Им пожелать бы долгих лет,
Беречь любовь – судьбы подарок...
А времени почти и нет.

Вокзал. Объятия. И голос
Ивана: «Любушка моя!
Дождись меня, вернусь я скоро.
И помни: я люблю тебя!
Всего лишь переподготовка.
А если даже и война,
Врагу отпор дадим мы. Только
Не бойся, милая моя!
Роди кудрявенькую дочку,
Красивоглазую – как ты.

Мы будем счастливы – и точка.
Прошу тебя, ты только жди!»

А Люба только и рыдала,
Прильнув к супругу головой.
Предчувствие её терзало,
Беда была не за горой...

И началась война. Жестокость
Не знала рамок и границ.
Враг применял любую подлость
Рядами гадостных убийц.

Потери страшные людские
Страну Советов потрясли.
Объята пламенем Россия,
Солдаты бились как могли.

Родилась дочка у Ивана –
Кудрявенькая, как хотел.
А он не знал... какая драма.
Домой вернуться не сумел...

Под Ленинградом честно дрался.
Была команда: «На прорыв!»
Он навсегда там и остался,
Фашистов в город не пустив.

Ни орденов и ни медалей
Ему не дали. Ну и что?
В могиле братской закопали.
Ему поклонимся за всё!

Он был одним из миллионов,
Кого войны забрала ночь.
Гордимся, верим, помним, любим.
Внуки, правнуки. И дочь...

**Макаров Иван Васильевич, 1918 г.р., мой прадед. Родился в городе Новосибирске. Работал мастером на станкостроительном заводе им. XVI Партсъезда. Женился 11.05.1941, но уже 21-го июня был мобилизован на подготовку к возможным военным действиям. Воевал на Ленинградском фронте в составе 1252 стрелкового полка 376 стрелковой дивизии 4 Армии. Был тяжело ранен в январе 1942 года. Спустя месяц, 11-го февраля, у него родилась дочь Лилия, но уже на следующий день он умер от ран, так и не узнав о её рождении. Похоронен в братском захоронении близ п. Будогощь Киришского района Ленинградской области. На заводе установлен обелиск в память о погибших работниках, в числе которых есть и фамилия Ивана Макарова. Вечная память!*

Слуцкий Алексей Дедушка*

В школу на праздник однажды
позвали

Дедушку – выступить перед детьми.
Он – ветеран, пионеры внимали
Каждому слову про тяжесть войны.

Тридцать лет где-то минуло с момента,
Как водрузили в Берлине наш флаг.
С гордостью начал рассказ он об этом,
Как подавляли фашистский рейхстаг.

Начал он бодро, коль вспомнилось
время –

Славное время надежд и побед.
Как на войне били подлое племя:
Трусам, убийцам сломали хребет.

Дальше он вспомнил друзей
настоящих –
Сколько достойных из них полегло.
Вспомнились лица тех женщин
скорбящих.
Разволновался – аж скулы свело.

В памяти всплыло такое, что слёзы
Душу как будто железом прожгли.
Крики ранения. В поле берёзы,
Рядом тела. Как помочь не могли...

Детям такого, конечно, не скажешь,
Знать им не надо весь ужас войны.
Вовремя деду на помощь товарищ
Школьный учитель
прийти поспешил.

Кончен рассказ был. Ребятам
внушали

Мира идею и жизни в любви.
Правильно всех их тогда воспитали –
Знамя Победы всегда берегли.

**Сюжет основан на реальных событиях. Моего прадеда, Милютину Сергея Борисовича (13.11.1912-31.07.1993), однажды пригласили в школу к моей маме и попросили выступить перед детьми в честь 23 февраля. Дедушка начал рассказывать о своих фронтовых товарищах и расчувствовался – потекли слёзы, и он не смог закончить рассказ. Остаётся только догадываться о том, что он вспомнил и о чём умолчал в тот день.*

Слуцкий Алексей Матч живых*

Город обречённый на Неве.
Город мёртвых, как его прозвали.
Ледяным кольцом его сковали
Мрак и голод.
Словно в полутьме,
Братские могилы.
У детей
Серая истлевшая одежда.
Лишь огонь томительной надежды
Согревал не сдавшихся людей.

Враг коварный-хитрый ликовал:
Горы золотые Ленинграда
На крови немыслимой блокады –
Мир такого зверства не видал.

Только город снова восстаёт
Как из пепла. Пламенным порывом
Жители сплотились воедино.
Радио благую весть несёт:

Матч футбольный. Собраны
команды
«Н-ского завода» и «Динамо».
Труженики тыла, лейтенанты.
Не игра, а подлинная драма.

Бледные, голодные бойцы
Из последних сил в футбол играли.
Падали, вставали и бежали
Волей духа. Символом живых
На десятилетия вперёд
Игроки примером чести стали,
Вражьей тьме уверенно сказали:
Ленинград живёт – он не падёт.

Слава той игры дошла до нас.
Не за почесть воины играли,
Миллионных средств не получали.
А сейчас?

**31.02.1942 в блокадном Ленинграде прошёл матч между сборной командой Н-ского завода (Ленинградский металлический завод имени И.В. Сталина) и «Динамо». Полуголодные игроки от бессилия играли 2 тайма не по 45 минут, а по 30. Причём на перерыв не уходили, а оставались на поле, ибо был риск, что, усевшись отдохнуть в раздевалке, подняться смогли бы не все игроки...*

Матч имел колоссальное пропагандистское значение: ленинградцы показали всему миру, что город жив и продолжает борьбу. В 2018 году во время чемпионата мира по футболу в Санкт-Петербурге иностранные журналисты не единожды просили российских коллег рассказать о блокадных матчах.

Смолицкая Елена Горела молодость

Посвящается юным героям подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», боровшимся с фашистами в оккупированном г. Краснодоне в 1942-1943 годах. Молодогвардейцы стойко перенесли жесточайшие пытки гитлеровцев и были сброшены в шахту. На казнь они шли с песней.

Горела молодость и падала стремглав
Осколком правды в тёмные глубины.
Тверды и стойки – платиновый сплав! –
И с болью всей земли неразделимы,

Они сумели дерзко заявить
Врагу о том, что Родина сильнее,
И знамя чести смело водрузить,
Не поступившись совестью своею.

Их песню гордо ветер разносил –
Последнюю, но праведную песню.
Они боролись на пределе сил
И побеждали духом мракобесье.

Стулова Ольга
Расскажи, дедуль

На колени присела к деду
Пятилетняя внучка Настя:
«Расскажи, дедуль, про Победу,
Расскажи, что такое счастье?»

«Знаешь, детство прошло в детдоме...
И с моим ровесником Сашкой
Мы мечтали всегда о доме,
Все желанья писав на бумажках.
А потом война, фронт, окопы,
Были с другом всегда мы рядом.
Об одном мы мечтали, чтобы
Погасить вражинные взгляды.

Я вернулся с войны, а Сашка
Не пришёл с последнего боя...
Пред глазами стоит он в рубашке,
В той, что бегал по детскому дому».

И слеза по щеке скатилась...
На груди он потрогает шрамы.
Не расскажет, что ему снилось,
Как всю жизнь не хватало мамы.

«Счастье, внучка, – это родные,
Дом, семья, свежий хлеб из печки,
Речи добрые и простые,
Разговор с семьёй на крылечке.

Это осень, воздух с прохладой,
Небо чистое, голубое,
Это солнце и звездапады,
Это жизнь, это мы с тобою».

Турукина Дарья
Письмо с фронта

Пишу, дорогая, из дальнего края:
Не бойся проклятой войны,
Отважные парни тебя защищают,
Радея за благо страны.

Я точно, родная, тебя уверяю,
Что скоро увидимся мы,
Враг технику бросил, назад
отступает –
Закончится всё до зимы!

Прервётся кровавая, страшная буря,
И я не пойду снова в бой, –
Приеду домой, обниму, поцелую
И буду навеки с тобой.

Тебе расскажу, что в душе наболело,
Как выжил и как выживал,
Как храбрый отряд мой сражался
умело,
За Киев и Курск воевал.

Пишу тебе ночью из дальнего края,
Уж близок заветный итог.
Я чувствую: молишься, ждёшь,
дорогая,
Иначе я б выжить не смог!

Хайдарова Дарья
Он был на войне

Он был на войне, когда дочь
родилась.
Вокруг разрывались снаряды,
В глубокую, едкую, мёрзлую грязь
Ложился отряд за отрядом.

Он лишь на секунду на небо взглянул
И тихо завыл от досады,
А через минуту навстречу огню
Пополз через стоны и смрады.

И сердце стучало, и слёзы текли
От страха и тяжести ноши.
Пути нет обратно, моли не моли,
К утру всех укроет порошей.

Он полз, и рычал, и всё думал о той,
Что поезд во тьму провожала.
В ту ночь даже лилии пахли бедой
На маленькой клумбе вокзала.

А он обещал, что не долго ей ждать,
Читая военные письма,
Что будут стоять на перроне опять,
Разлука закончится быстро.

Он прыгнул в вагон и оставил её
Одну. Заскрипели колеса.
А в сердце как будто вонзилось копьё.
Гудок словно вопль разнёсся.

Тепло её рук согревало во тьме
И вверх возносило над болью.
Он полз и не знал, что уже на холме
С земной разлучится юдолюю...

Горячая, красная, вязкая кровь
Впиталась в холодную землю.
Исчезли все звуки, на стыке миров
Казалось, что он тихо дремлет.

А где-то вдали не спала его дочь,
И мать её долго качала.
Какая тяжёлая выдалась ночь.
Как близко конец и начало...

Цивилева Ирина Соньки

Соньки спросонок вставали в окопах,
Сжимая аптечки в холодных руках.
Вставали и падали. Синие своды
С тоской отражались в солёных глазах.

Соньки не плакали в рыхлых землянках,
Касаясь холодных запыленных лиц.
Стояли в молчании на полустанках
Над кровью черневших газетных страниц.

Соньки хватали свои трёхлинейки,
Палили с зениток в рассветный туман.
Своими телами мостили ступеньки
На лестнице шаткой во вражеский стан.

Соньки не верили в мир. Они знали,
Что в небо взовьётся победный салют.
Соньки бежали и, падав, вставали,
Зная, что враг не возьмёт. Не убьют!

Соньки летали синицами в небе,
Почувствовав смерть, смело шли на таран.
Гибли в слепящем, сжигающем свете,
Вдыхая смердящий, палёный дурман.

Падали Соньки на землю родную,
Тропу устлая Советским полкам.
И если забудем мы жертву такую,
Позор и презренье на головы нам!

Цуленкова Анастасия
Голубка

Последний бой, последняя молитва,
Пусть весь мир разрушится звеня,
Я полечу к тебе, моя голубка,
Ты лишь дождись, пожалуйста, меня!

Дождись сквозь дождь, сквозь бурю
и бомбёжку,
Сквозь безысходность и отчаяние
тоски,
Чтоб лишь одна солёная дорожка
Смочила столь любимые черты.

Моя родная, милая голубка,
Я всю войну твой образ берегу.
И на платке тобою вышитая буква
Меня всегда хранит в любом бою.

Уже сдалась фашистская армада,
Уже сложила наземь автомат.
Осталось лишь отпраздновать
победу,
Советский флаг повесив на рейхстаг.

Черкасова Виктория
Раздумья в полку

Не видели в деревне нас три года...
И мы три года там не ели щей.
Наш полк словно игральная колода
Тасуется... Идём правой, левой...

Назад уж не идём, наотступались...
Вперёд идём: «Ура!» – А в горле ком...
Мы после врем, что вовсе не боялись...
Порой страшась и вспомнить
о былом...

Солдат... Кто он в колоде? Туз?
Шестёрка?
Какая карта выпадет бойцу?
Три года мы с врагами бьёмся,
сколько
Слезе ещё катиться по лицу?

Шаврина Екатерина
Спасибо, мой прадед, за жизнь!

Мне злое виденье приснилось:
Ступивши в ночной переход,
Во времени вдруг заблудилась,
Попала в военный я год.

Я раньше кошмаров не знала,
Не снились мне страшные сны.
Внезапно же я увидела
Весь ужас кровавой войны.

Гул танков и рёв самолётов
Слились в отвратительный вой.
Снаряды фашистских налётов
Взрываются наперебой.

Земля полыхает и стонет,
Горящие избы трещат,
На куполе церкви трезвонит,
Гудит похоронный набат.

Смешались ручьём кровь и слёзы,
Всю землю собою залив,
Поникли родные берёзы,
С людьми эту скорбь разделив.

«Я гибну!» – мелькнула догадка.
Ко мне устремясь напрямик,
Пройдя рукопашную схватку,
Мой ангел-хранитель возник.

Пилотка, шинельная скатка,
Мешок, за плечом автомат,
Махая сапёрной лопаткой,
Явился мне русский солдат.

Спиною закрыв от взрывчатки,
Спасая от пуль и огня,
Армейской своей плащ-палаткой
Накрыл от кошмара меня.

Заглохла кровавая бойня,
На землю сошла тишина.
Мне стало легко и спокойно:
Я ангелом защищена.

Всё так же ревут самолёты,
Но где-то совсем высоко,
Всё так же строчат пулемёты,
Но где-то совсем далеко.

Земля всё пожаром дышала,
Но только уже без огня.
Всё так же война грохотала,
Но только уже без меня.

Шепчу я, почти просыпаясь:
«Ты кто, неизвестный герой?»
Солдат мне в ответ, улыбаясь:
«Живи! Я прадедушка твой».

Под майские залпы салюта
Я к братской могиле пришла.
Дыханье сдержав на минуту,
Знакомое имя нашла.

Гранитной плите прошептала:
«Ты мне ещё раз хоть приснись!
Чтоб, глядя в глаза, я сказала:
«Спасибо, мой прадед, за жизнь!»»

Шпиякина Наталья

На небо... В нестройном строю
Идут молодые солдаты.
В каком же «бессмертном бою»
Пополнили списки ребята?

Блестят на груди ордена,
Фуражка немного помята,
Чеканя поставленный шаг,
Пополнили списки ребята.

Нахмурится небо с тоской,
Окрасятся кровью закаты,
Героев доблестный строй,
Пополнили списки ребята.

Живых, не пришедших с полей,
Пропитанных болью утраты,
Взлетающих клин журавлей
Пополнили списки ребята.

Шпиякина Наталья

Блокадных 6 буханок хлеба

Дороги нет... Ни прямо, ни назад...
В январском небе задымился небосклон,
Задушенный обстрелом Ленинград,
Кольцом погибельным объят со всех
сторон.

Кресты на окнах здесь у каждого двора,
В захлопнутой ловушке чьи-то сны,
Здесь хлеба нет и печка холодна,
Блокадный ветер – колыбельная войны.

Снарядов свист опять срывает тишину,
В осколки небо будто вновь
разорвалось.

«Где бы найти хоть крошечку одну,
Что бы ещё денёчек пожилось?»

По радио чуть слышен метроном,
В бреду замёрзло время, как во сне,
Под свист... на санках...детям

в детский дом
Везут блокадный и такой бесценный
хлеб.

По полю снежному, где спрятались
дома,
Вмерзая санки в снег, идут вперёд,
А в детском доме, где-то у окна,
Сидит мальчишка, папу с фронта
ждёт.

Он рисовал для папы много дней
Кусочек хлеба худенькой рукой:
«Чтоб был у папы хлеб, ему нужней,
Чтоб были силы у него прийти
за мной».

Дороги нет... Ни прямо, ни назад...
Январь завьюжит чёрный небосклон,
Задушенный обстрелом Ленинград,
В блокадный ветер веет вечный сон.

Обрывки лета снятся в этом сне...
Извечный сон, где рядом снова папа.
И мама, что спекла душистый хлеб,
Где нет войны. И большего не надо.

По радио затихнет метроном...
Слепая ночь...Осколками по небу...
И в санки... в те, что детям в детский
дом...
Везли блокадных 6 буханок хлеба.

Шпиякина Наталья

12 дней

Сгорало небо пламенным закатом,
Допет последний был осенний вальс,
Вчерашние девчонки и ребята
В строю идут... С врагами воевать.

Погасло солнце, день свой допивая,
Где жизнь хотела жить ещё сильнее,
Идут в строю... В тумане исчезая,
Туда, где было... лишь 12 дней.

12 огненных рассветов и закатов.
«Держать рубеж Ильинский
под Москвой», –
Приказ был отдан молодым
курсантам. –
«За Родину стоять! Любой ценой!»

«За Родину...» Жжёт грудь
свинцовый ветер.
Залп артиллерии ревет из тишины,
Сжигая жадно жизни. На рассвете
Земля вздымалась, будто на дыбы.

«Любой ценой!..» Крича, свистят
снаряды.
Шинели рваные в окопах,
блиндажах.

Сгорели тучи, пламенем объаты,
Где небо отражается в глазах.

Сердца их были к подвигу готовы,
Немыслимую цену заплатить!
Тот подвиг курсантов подольских
Мы с вами не смеем забыть!

Шпиякина Наталья

Вернусь

Душа залита красной акварелью,
На сердце поселилась боль и грусть,
Придёт весна, и звонкою капелью,
Под щебет птиц,
я обязательно вернусь.

Вернусь я...

Летним огненным закатом,
А может быть, туманом поутру,
А может, радугой, что ты увидишь
рядом,

Как шум дождя,
я обязательно вернусь.

Вернусь...

Когда заснежит злая вьюга,
В которой бледной тенью растворюсь,
А поутру, как будто ниоткуда,
Узором на окне твоём вернусь.

Вернусь...

Росой осенней поутру мерцаю,
Я листопадом нежно улыбнусь
И, с клином журавлиным улетаю,
Во сне к тебе я обязательно вернусь.

Щитов Иван

Я видел небо, ржавое от молний...
Большая туча чёрная, как танк,
Затмила свет и растоптала полдень,
И ливнем прокатилась по цветам.

Весь мир вокруг был, как трава
под камнем,
Расплющен опрокинутой грозой,
И лишь осины тощими руками
Сдержать пытались небо над собой.

И я упал – обрушился на землю
Не как солдат, а как метеорит,
Несущий в сердце ненависть
вселенной,
Что, вырвавшись, весь мир испепелит.

Гремело небо, ржавое от молний.
Невиданный пожар вставал стеной...
А я лежал, и крепко землю обнял,
В расцвете лет раздавленный войной.

Юдина Софья

Послушай, это дождь стучит
По синей полосе,
И ветер гнёт его лучи,
Как спицы в колесе.

А где-то ходят корабли
По лунному песку,
А это капелька, смотри,
Стекает по виску.

Поспи, сынок, заснул скворец
Давно в своём гнезде.
А завтра к нам придёт отец
По золотой воде.

Он не боится ничего –
Ни пули, ни штыка.
На этом свете нет его
Уже наверняка.

Не плачь, сынок, седых лучей
К тебе не тянет дождь.
Как этой ямочкой своей
Ты на отца похож.

Ягналиева Лейла
Русским солдатам

Окутан ветвями пятнистой берёзы,
Покоится русский солдат.
Над этой могилой и взрывы, и слёзы,
И пушечных выстрелов град...

Над этой могилой голодные братья
Глодали из дерева кнут.
И кажется, будто над этой могилой
Фашистские танки ревут.

Солдатская воля, солдатское сердце
В могиле зарыты навек.
Как синее небо, как чистое поле,
Так чист русский наш человек!

Ягналиева Лейла
Невольню угнанные

Посвящается семье Бадамшиных

Летит бесстрастно товарняк...
Все звуки спутаны:
Слились мольбы в единый ряд
Невольню угнанных...
Зовёт измученный малыш
Сестру по имени...
Ему в ответ – лишь ветер с крыш
Кричит «найди меня»...
Да где ж теперь, среди людей,
Бедою связанных,
Увидеть ту, что всей милей,
С глазами ясными...
Стоят безмолвно в уголке
Три дочки с матерью.
Одеты худо, налегке...

Невзрачной скатертью
Дорога убегает прочь,
Всё дальше Родина...
Скрывает боль хозяйка-ночь...
Куда же мы?!..
А поезд, вновь замедлив бег,
Надежду воскресит –
Незримый глазу оберег
От бе-зыс-ход-ности.
Помимо воли стар и млад –
Оброк помещикам...
Слова о том, что близок враг,
Вдруг стали вещими...
В чужом краю удел суров –
Работать впроголодь,
Не разгибая взмокших спин,
Не чую стертых ног...
Но чем войны чернее дым,
Тем чище мысли:
Наш русский дух неистребим –
Победа близко!

РАЗДЕЛ 3

**«ВОЗЬМЁМСЯ
ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!»**

Джурович Наталья

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится...
Обычная тамбовская земляца,
Нам было здесь написано родиться;
И вот стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов родных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет
Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.

Был за забором прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя вберёт – за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять.
Шуршат венков поблёкшие цветы,
И, как цветок, сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память!

Ты вслушаешься в эту тишину,
Прадедушке расскажешь про «войну»,
Где непременно победили «наши».
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы
раскрашен
Твой самолет, и маме он не страшен –
Благодаря ему.

Дикович Нина

Без взрывов бомб и выстрелов орудий
Сейчас живут – и жалуются люди.
Без чёрных воронок и лагерей
Не стали мы надёжней и добрей.

Товаров тьма, просторы провианта,
Но хочется нам что-нибудь урвать.
Как жаль, не переняли мы таланта
Горою друг за друга постоять.

Как жаль, что в мире наноизобилия
О чести и о подвиге забыли мы.
Без голода, блокады и войны
Мы всё равно друг другу не нужны.

И чтобы уничтожить дисбаланс,
Давай начнём мы с каждого из нас:
Из ушлых душ сошьём стране шинели,
Чтоб милосердия остатки уцелели.

Из грязных мыслей справим сапоги,
Для честной и нацеленной ноги.
И отдадим крамольные замашки
На полосатые мужицкие тельняшки.

Осталось только сердце завести,
Не побояться встать за мир в дозоре.
Нам до героев сложно дорасти,
Хотя бы память их не опозорить.

Исаенко Мария
Дай Бог

Бескрайних небес синеву
Вы жизнью своей оплатили,
Тот долг нам вовек не отдать.
Мы видели мир, вы – войну.
Мы не были там, где вы были.
Дай Бог никогда не бывать.

Без счёта ушло молодых
В боёв громовые раскаты,
В кровавых годов круговерть.
Мы видели солнце, вы – дым.
Всё то, что пришлось повидать вам,
Дай Бог никому не узреть.

Бесценный достался нам дар:
Закат провожать на причале,
Спокойно в ночи засыпать.
Мы видели дом, вы – пожар.
Не знаем того, что вы знали.
Дай Бог никогда не узнать.

Весенним теплом не согреть
Бойцов, что в сраженьях почили,
Лишь помнить и благодарить...
Мы видели счастье, вы – смерть.
Страданий, что вы пережили,
Дай Бог больше не допустить.

Колесникова Екатерина

Ты помнишь... люди обещали миру
мир...

Но предали забвенью клятвы эти.
Осиротели струны безмятежных лир,
И боль Земли вновь видят наши дети...

Ты помнишь... люди обещали вынести
урок

Из варварства жестоких потрясений,
Но вновь навис над человеком грозный
рок...

И Землю поглотила темнота лишений...

Ты знаешь... я всё так же верю в свет...
Ведь нет у нас другой такой планеты!
И пусть исполнится отцов святой завет –
И будут в мире мир и жизнь воспеты!

Овчинников Тихон
Вечный страж

Случилось то в полдень нагретого лета:
С дорожной скамейки мужчина привстал.
Был среднего роста и просто одетый,
С задумчивым взором – он жизнь
повидал.

Скупые движения чувства таили.
Молчанье венчало их сдержанный гул.
Вдруг стиснул он руки, сухие от пыли,
И тихо в глаза мои заглянул.

– Дружище, скажи мне, какого ты года?
Ответил я сразу: – Годов – двадцать пять.
Тогда он добавил в чём-то сурово:
– Мне сорок. Я еду за вас помирать.

И вновь в немоте мы застыли немного,
Чужим и далёким стал сразу вокзал,

С которого дальше различна дорога
Для каждого лично. Разгадки я ждал.

Мужчина очнулся как будто от боли:
– Прошёл я две страшные, злые войны.
Но новая жаждет меня поневоле,
Страданием и горем все войны полны.

Когда-то природа меня наделила
Орлиною зоркостью, твёрдой рукой.
Палящее небо в тот день не шутило:
В жестокую шутку сыграло со мной.

Бескрайние степи и горцев аулы –
Для глаз не моих красота, ты поверь.
В прицеле разящем лишь крест
и фигуры,
Жизнь так подвела, что стрелок
я теперь.

Груз прошлого давит, тяжёл божий
свет,

Похуже глаза мои стали ведь видеть.
Вернусь ли домой? Я думаю, нет.
Не в силах теперь я кого-то обидеть.

Чуть вздрогнув, взгляделся во взор
незнакомца,
Знакомыми были мне эти глаза.
Величие мёртвых, казалось мне, солнца
В них затаила мужская слеза.

Был выжженным взгляд его, долу
поникишим
Лицо, сколько горя уже он видал?
И я вдруг сказал: – Мне б о вас
помолиться.
И в свертке что было – просфору –
отдал.

– Вернётесь живым, только главное –
верьте.
За жизнь и за мир вы стоите душой.
О вечности думайте, а не о смерти,
Лишь в мыслях о вечном даётся
покой.

Мой спутник тогда до земли
поклонился
И бережно свёрток тот к сердцу
прижал.
Неловкости не было, быстро он
скрылся,
Так быстро, что я ничего не видал.

И в памяти краткой почти
растворился.
Дорожный перрон. Средний рост
и тот взор.
Я думаю, ангел тогда мне явился,
Что послан от неба свой несть здесь
дозор.
Почти не приметный, похожий
на статую,
Посланник небес за людей тут
страдал.
В одеждах простых были бережно
спрятаны
Прозрачные крылья – я их разгадал.

Пименов Анатолий
Вязьма

Тебе и соль не солоня...
Её ты с кровью добываешь.
Твоя история сполна
Залита ей, не забываешь.

Литовцы стены эти жгли,
Но Вязьма с миром не просталась,
Враги постылые ушли,
А крепость нашим возвращалась.

Опричный город, дальше – больше,
Рвала войною тебя Польша,
Отсюда битые с конфузом
Домой зимою шли французы.

А возле немцы без сраженья
Загнали наших в окруженье.
И встали здесь концлагеря...
Но пробил час. Вошла заря.

Своим ружьём освобождён,
Почти разрушен и сожжён.
Ты встал, и ныне ещё древний
Мы вспоминаем старый кремль.

И Спасской башни мощь и силу,
И... незабвенную могилу...
И старый монастырь Предтечи
Не умолкает русской речью.

Пименов Анатолий
Русь благословенная

Сквозь ткань рассвета луч светил
И небо замерло в волненье –
Архангел шёл Варахиил
И нёс стране благословенье.

Ступал с букетом белых роз
Над монастырскими главами,
Над городами горьких слёз –
Каких не передашь словами.

Над той страной, где и во ржи
И пот, и кровь, и крики женщин,
Где подлый бросил семя лжи
И ею к старости повенчан.

Где честный дал другому жить,
А сам – осел под пулемётом,
Сумел он кровью напоить
Всё поле, не желая гнёта.

Архангел шёл по облакам,
Чтоб волю передать от Бога
И деревням, и городам –
Стране, где веры чистой много!

Пименов Анатолий
Инсталляция

Помнит Красная Площадь событий немало:
Запах трубок, вкус крови и пар от металла,
И парады, и казни... Сейчас лицедейство,
Современников наших поганые действия.

Я б свою инсталляцию в полный размер
Развернул во всю площадь на русский манер.
Чтобы вышла с коляской и мужем особа,
Молодые родители, но... Чтобы оба!

По любви поженились, тепло, горячо,
Чтоб она положила к нему на плечо
Свою голову и не боялась огласки,
Чтобы тот человек улыбался в коляске.

Пусть идёт кто-то рядом под ликом икон,
Как ходили всегда на Руси испокон.
Папа шарик достанет для маленькой дочки,
Мама купит флажок дорогому сыночку.

А ещё! А ещё – чтобы все улыбались!
Молодые под ручку и звонко смеялись,
Чтобы розами пахло, неслись облака,
Унося с собой грусть, что хранилась века!

Инсталляция или перформанс – не важно!
По-хорошему чтоб утолить мира жажду!
Посмотрите, прохожие, весело нам!
Своего настроения площади дам!

Порошина Мария
Детство

Дождик, дождик, не смеси!
В каждой капле –
мураши!
В каждой капле –
мишура!
Дождик, дождик, мне пора!

Полецкая Стасия Лётчик Харуки

Лётчик Харуки сегодня домой не придёт.
Его, как цветок, поглотила морская пена.
Гудят самолёты, как пчёлы, и дикий мёд
Разлит в небесах, и взрывы, как вой сирены.

Лётчик Харуки решил улететь на дно.
Там хорошо, там танцуют пляеды рыб.
Лётчик Харуки летит вертикально, но
Нет смысла кричать: «Постой!». Он уже погиб.

Лётчик Харуки решил, что вся жизнь – полёт.
И если так, то лететь всё равно куда.
Вверх или вниз? Жизнь, как клещами, жмёт!
Спрятаться можно там, где шумит вода.

Матери старой Харуки не шлёт привет.
Дзико – монашка, давно уж постигла дзен.
Смотрит на мир через призму прожитых лет,
Шепчет молитвы, весь день не встаёт с колен.

Лётчик Харуки, сорвавшись, летит на дно.
Там, за бортом мирно плещется моря нить.
Лётчик Харуки решил для себя давно:
В вечных морях его рыба продолжит жить.

**Харуки Ясутани – персонаж романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить», японский лётчик, который во время Второй мировой войны решил сбросить свой самолёт в море, чтобы не принимать участие в войне.*

***«Рыба» в упомянутом романе является символом человеческой души.*

**** Характеры персонажей в данном стихотворении могут отличаться от образов, представленных в романе*

Ситенко Виктория

Может, ты когда-нибудь вернёшься
В те места, где были мы давно.
И невольно с грустью улыбнешься:
Прошное вернуть нам не дано!

Стали мы теперь уже чужими,
Только в сердце что-то оживёт...
Если ветер летний моё имя
Тебе тихо на ухо шепнёт.

Может, ты, гуляя вечерами,
Как и прежде, вспомнишь обо мне.
Или всё, что было раньше с нами
Вдруг увидишь в мимолётном сне?..

Может быть, представится внезапно
Первый и последний поцелуй,
Нежные объятия: «До завтра!» –
И холодный отблеск лунных струй...

Пальцами по пальцам, перебором,
Взгляд родной, что сложно позабыть...
Разве представляли мы, что скоро
Каждый своей жизнью будем жить?..

И пускай нас время разлучило,
Летний зной сменив на снегопад,
Берегу я то, что с нами было,
Как подарок, драгоценный клад...

Может, строки писем тех бумажных
Вновь расскажут о былой судьбе?..
Просто... Если вспомнишь ты
однажды...

Знай: я тоже помню о тебе...

Ситенко Виктория

Мне стыдно, люди, перед Богом.
За нас за всех. Ну отчего
Мы, в этом мире зная много,
Не принимаем одного:
Мы ходим все под Небесами
И на одной Земле живём,
Но едим словом и делами,
Войною рушим общий дом.
Кому-то хочется богатства,
Кому-то славы, наконец...
И, растоптав людское братство,
Всё рвемся поделить венец...
А между прочим, все мы люди:
Чеченец, русский и грузин....
Я вас прошу, давайте будем
Держаться вместе, как один!
И каждый вечер, засыпая,
Молюсь я только об одном:
Пусть нас простит Земля родная
Наш общий кров, где мы живём.
Леса, просторы голубые
И тихий шёпот трав густых,
Все незнакомые, родные –
Всё это – части нас самих!
На чистом небе солнца лучик,
Цветов весенних кашемир...
Для мира нет подарка лучше,
Чем без войны цветущий мир!

Смолицкая Елена
Части целого

А что, если всё живое
Познает себя единым –
Звенящей душой большою,
Частями одной картины?

И всё разноцветье красок
Сольётся в ковёр роскошный
Без страшных кровавых плясок,
Без проповеди истошной,

Но с танцем рука об руку,
С улыбками и шарами,
С гостями, что гонят скуку
Рассказами и дарами,

С весёлыми поездами
И помощью ниоткуда,
С пестрящими площадями,
Где каждый увидит чудо,

Где общие: небо, слово,
Вода и священный город.
Идём к единенью снова!
Наш мир ещё очень молод.

Душа вдруг проснётся целой,
Потянется, развернётся
И станет нарядно-белой:
Частичек весь спектр сольётся.

В светящемся ярком шаре
Мы все полетим сквозь годы.
И в белом сердце пожаре
К вершинам шагнут народы.

Старцева Мария
Я рисую красками...

Я рисую красками
Хрупкий мир чудес.
Я рисую красками
Солнце, небо, лес.

Белочку с бельчатами –
На сосне сидят;
Ёжика с ежатами –
Под кустом лежат.

Я рисую красками
Тонкую сосну.
Устремила в небо синь
Гордую красу.

Нет пожарам, грозам,
Ненависти, злу!
Нет войне суровой!
Твёрдо я скажу.

Да – добру и счастью
На земле родной!
Люди, берегите
Родины покой!

И в защиту жизни
Песню запою.
Русь моя родная,
Я тебя люблю!

Щитов Иван
Бессонница

Всё было сном: приснилась жизнь, как конница,
Промчавшаяся вскачь сквозь времена.
Одна лишь ты была моей бессонницей,
Прекрасным пробуждением от сна.

Что наша жизнь – бездумное забвение,
Беспамятство, дремота, забытьё.
Лишь ты одна была моим прозрением,
Нежданное видение моё.

Нам время лжёт, и мы к нему доверчиво,
Как к солнцу, поворачиваем лик.
Я долго спал, но был разбужен женщиной,
Что засыпать мне больше не велит.

Пусть рухнет мир и заново построится,
Низвергнутся и царства, и цари,
Я не усну... со мной моя бессонница –
Мой вечный смысл рождаться и творить.

РАЗДЕЛ 4

«ЛЮБОВЬЮ К РОДИНЕ ДЫША»

Александрова Анна
Быть русским

Писать стихи на русском языке,
По-русски песни петь, читать молитвы;
Простой воды напившись в роднике,
Услышать гул и грохот древней битвы.

Склонив чело к легендам старины,
Знать, как преступно всякое злословье:
Мы все – уста для слов своей страны.
Мы – грудь, она питает тело кровью.

Нам чёрствый хлеб из рук её милей,
Чем лакомый кусок стола чужого.
Мы без неё – деревья без корней,
Без Бога храмы, путники без крова.

И в ней одной по-прежнему Христос
Сильней циничных идолов прогресса.
В чем соль России? В чистой правде слёз,
В молчанье мук, в беседе волн и леса...

Александрова Анна
Отечественные музы

Над цветами магнолий в кавказских садах при луне,
Над сибирской тайгой и столичною осенью хмурой
Любит муза встречаться со мной и подобными мне,
Награждая за верность наброском, строфой, партитурой.

И по русой тихонько погладив её голове,
Ей взглядимся в глаза и обнимем её троекратно,
Сохранив откровенье на вытканной Богом канве,
Провожаем и ждём с распростертой душою обратно.

Ах, Россия моя, ты – надежда и сила земли,
Даже если их больше, не ты, а другие неправы.
Зеленеют поля и по волнам парят корабли,
И творятся стихи для твоей, а не собственной славы!

★

Захарова Мария
В Астрахани лотосы не цветут

1.

Когда я пишу тебе – я целую свет.
И запах ковыля и пустельги
Течёт за атмосферные буйки,
Объединяя степи между нами,
В окно врывается сияющим «привет».
Стремительно сужаются твои зрачки,
Пока самум танцует, будто пьяный,
И хижины из тёплого самана
Вдруг проступают в безымянной тьме.
Не нужен больше ни бинокль, ни очки.
Чтоб прочитать твои заветные стихи,
Луну и Рождество отдам в обмен.
В святом такыре заключён рефрен,
Тобой написанный в ненайденном году,
Прекрасный слог речных стихир.

2.

Кусает жар за шею и за щёки,
Когда сижу на берегу реки.
Степные ласточки запутались в осоке,
Полынным маревом пьяны.
Я стираюсь пылью в суховеях,
и не за что мне зацепиться.
И нет меня, а лишь глаз и уши,
Которым сердце кто-нибудь доверит,
Пока моё звучит всё глуше.
Мой дом везде, и каждый чужд,
Я лишь Предтеча для речных людей.
В Астрахани лотосы летом не цветут.
Пыль тонет в ледяной нигде.
Мне дрожь вливается в запястья,
Смесь над жалкими попытками собраться вновь.
И пыль свободна, как чистая любовь.
Из реписа, туовника, ирги
Или из своей крови
Сварить чернила бы на солнце,
Тебе письмо отправить в облака.
Но крови нет.

И с кладбищ прилетают суховеи,
Ласкают сморщенные щёки.
Не от любви, а свысока,
Презрительно жалея одиноких.

3.

Лучшие книги рождаются в старых квартирах,
Пропахших котами и пылью,
Где груз прожитых лет плещется, словно река.
Меня не было – меня и сейчас нет,
Мой прах принесли суховеи издалека.
Я вдыхаю затхлую глубину и вижу как никогда ясно
Сияние волн в громовой глубине.
Я позволила себя раздавить толще воды
И на самом дне нашла тебя, Король-Рыбак.
Ты не живой и не мёртвый, глотаешь мутную воду,
и она протекает сквозь рёбра на волю.
Твои разлагающиеся внутренности передо мной словно книга,
открытая на самой трудной странице.
Они полны белужьей икры и разбитых костей.
Праха осыпается на дно, сверкая в водяных лучах.
Сияющий, как бриллианты, он заполняет твою плоть.
О Король мой, твои мышцы вырастают вновь
Под этим дождём из пыли.
Но моя горячая пыль не смешивается с водой.
И я пишу в твоей книге, я целую водяной свет.
И мы больше не будем немые.
И мы больше не будем не мы.
И мы

4.

Когда мы умрём, мы больше не будем одни.
Но умрём не мы – нет слабости и нужды.
Король-Рыбак ходит по тонкой глади воды,
Он из пыли, кожа его из чешуи.
Из записанных и несказанных нами слов,
Из пропитых и болью обкуренных богов,
Из пыли и праха, что взрываются в простор,
Мы содеяли любовь.
Ходи, о мой Король, по сияющей нигде,
По Волге, Бештуку, Сарбаю, Нем-Нолде,
Спасай всех утопших и потерянных людей.

Взрывается заря, а ты её надир.
Ты идёшь, и вне календаря цветут сады
По берегам и ярам твоего пути.
Я не знаю, куда ты мог бы нас привести, –
К у т у м и Т е р н о в а я у м е н я в г о р с т и .
Но я аромат персиков, что будут цвести,
Я единство несоединимых стихий.
И я и д у с т о б о й , к у д а т ы р е ш и л и д т и ,
Как небесная радость от речных стихир.

Игнатенко Анна
Как трагично кричат журавли

Ветхий сруб с покосившейся крышей,
Постаревший камыш у реки,
Лес седой, где впервые услышал,
Как трагично кричат журавли.

Я малой был тогда, несмышлёный,
Я глазами лазурь прожигал.
Вечно в лето и в сосны влюблённый,
По ночам свою матушку звал.

Точно помню соседского пони,
Как и я, он с рассветом вставал.
Помню, ягодой пачкал ладони
И себя на песке рисовал.

Моя бабушка, сердцу отрада,
Её лаской всегда был согрет.
Моё детство, где мне были рады,
Где не знал ни потерь, ни побед.

Оно быстро минуло, промчалось,
Я изрядно щетиной оброс.
Лишь тогда мне так ярко мечталось,
Лишь тогда мне без страха жилось.

Исаенко Мария
Нам этот мир завещано беречь

Нам этот мир завещано беречь
Всей данной при рождении нам силой:
Как хрупкий огонёк в ночи дождливой,
Как матерью подаренную речь.

Нам этот мир завещано любить:
Неудержимо, страстно, безоглядно,
Всецело и без всякого остатка
Его мгновеньем каждым дорожить.

Нам в этот мир завещано нести
Добро и свет, порядочность и радость
В своих поступках, в слове, в каждом
взгляде,
Чтобы весной могли сады цвести.

Нам этот мир завещано хранить
Подобно самой благостной святыне,
Собрав людские души воедино
Губительства его не допустить.

Нам этот мир завещано держать
В руках и согревать теплом сердечным,
Воистину чтоб стала бесконечной
Его неистовая благодать.

Нам в этот мир разверзнуты пути
Не вечны мы – хозяева и гости,
Но в силах уберечь его от злости,
Чтоб было место детям в нём расти –
Нам этот мир завещано спасти!

Кошеев Дмитрий
Заволжье

Заволжье, край обетованный!
Лесов дремучих кружева,
Дыханье поля в час туманный
И глаз озёрных синева!

Тебя твой отче Серафиме
Святой молитвою хранит,
И голос твой в рассветном дыме
Над гладью волжскою звенит!

Сквозь заповедные чертоги
Ключи прохладой влекут,
Но знает путник: все дороги
Твои в Дивеево ведут!

По деревьям укрыты хаты
Искусным кружевом резьбы.
Иконы в ризах небогатых
Стоят в углу любой избы!

И старый мастер кистью тонкой,
Присев на лавке у светца,
Узор выводит с песней звонкой,
И блещет златом хохлома!

Идут по Волге караваны,
Шумят торги на берегу,
И колокольчик, в гости званный,
Звенит малиново в бегу!

Здесь помнят древние преданья,
Здесь правит дух святой Руси!
Живи, мой край, назло страданьям!
Живи, всем бедам вопреки!

Михайлов Георгий
Во светлых

Во светлых радостных мирах
(Как в поле слышен отзвук лиры)
Есть совершенство верной силы
Добром белеющих рубаш
Бессмертных Гениев России.

Михайлов Георгий
Нас много

Нас много, нас мало,
Нас тысячи лиц –
Достойных Икара
Сподвижников птиц.
Тех самых, что жадно
Глотали дары
Великой и славной
Новой Волны.

Пименов Анатолий
Закат

Закат, в нём всё и ничего,
Огонь свечи и дым лампы,
Ведь больше ничего не надо
Для тех, кто пал до одного

В одном мгновении до хора
Победных песен, до мечты,
Лишь мрак холодной пустоты
И стая воронов над бором,

Да, здесь не видно журавлей,
Закат, огонь наш общий вечный,
А там, вдали, живёт беспечно
История минувших дней,

Где не взросло ещё то семя,
Что отдаёт теперь плоды,
Как горы трупов и руды.
Закат. Такое ныне время.

Пименов Анатолий
Минута молчания

Горит огонь, расскажет о своём,
Мы в этот миг молчим и не поём.
Гудят вдали бетонные сыны,
И снова крик сквозь эхо тишины.

Огонь способен всех перекричать,
Он год взывал к народам помолчать,
Не повторять кровопролитий старины,
Не забывать, как дни были страшны.

Героев много, кто сегодня не герой?
Когда стоял за нашу Родину горой,
Освободив свои деревни от оков,
Переступив через траншеи черепов,

Стоит солдат и всё глядит вперёд,
Стоит солдат и смотрит на народ,
Стоит солдат из бронзы и молчит,
Стоит, и лишь огонь в ночи горит.

И снова май, Бернес и «Журавли»,
И крики радости слышны со всей земли.
Тебя нет с нами, но журавль всё летит
И упадёт его перо на твой гранит.

Пименов Анатолий
Кубинка

В тебя вложили много сил,
Чтоб ты поднялся среди леса,
А там над храмом Михаил –
Архистратиг Руси Небесной.

Таких, заметь, не будет двух,
Здесь звон металла не забыли,
Здесь поднимался русский дух,
Когда взлетала эскадрилья.

С эпохи ружей да фузей
Французов полегло немало.
Открылся танковый музей,
Где гарь пожарищ остывала.

Над полем стали, а не ржи,
Года борьбы остановились,
Летают «Витязи», «Стрижи»,
И с ними в небо уносились

Те журавли, когда роса
Напоминает нам скорбящих,
Они ушли... на небеса...
Для поколений настоящих.

Молчит царица их полей,
И сверху смотрит Всецарица
На клин летящих журавлей,
И снова Кубинке не спится.

Пименов Анатолий
Санкт-Петербург

Здесь пахнет смертью, пахнет
до сих пор.
Клыками волка город рвёт зима...
Глазами волка светит сквозь простор
Разрезанная тучами Луна...

Над старыми булыжниками века
У завитков на западный манер,
Как прежде, воспевая человека
От Охты и до мхом поросших шхер

Опять гроза. Чахоточный рассадник
Забитых перекошенных дверей.
Глаза в глаза: великий медный
всадник
И Император Севера – Борей.

Дворцов и переулков эхо своры,
Матросов тени, паровозный стук
И, обгоняя «Красина» с «Авророй»,
Как волк, морозом дышит Петербург

Над зеркалом замёрзшего канала,
Вступая, только взвояет вдовий хор,
За метрономом пауза настала...
Здесь пахнет смертью, пахнет
до сих пор.

Пименов Анатолий
Танкистам

Стоят враги, сказать о том не смеют,
Стоят враги, сказать о том нельзя,
Стоят враги и молча каменеют,
Глядят враги, пока ещё «друзья»,

С восторгом, шоком, ужасом, сутуло
На новую броню спокойных дней.
Танкист лишь выдыхает через дуло
Простое имя Родины своей.

Наводчик не желает крови новой,
Ракетчик не стремится сделать пуск,
И «Ярс» – всей дипломатии основа –
Дороже, чем тонированный люкс.

Так было на Зееловских меж гула,
Так было до контузии и с ней –
Танкист лишь выдыхает через дуло
Простое имя Родины своей.

И самолёты вновь над головами
Расцвечивают флагом небеса,
Навряд ли хоть какими-то словами
Опишется их сила и краса.

Не сядьте, дипломаты, мимо стула,
Не становитесь лицами мрачней.
Танкист лишь выдыхает через дуло
То имя, что любимо с первых дней.

Пименов Анатолий
У памятника

Дождь на брусчатке, природа плачет,
Падают капли на красный гранит.
Слышишь? Дед на кобыле скачет.
Видишь? Звезда на груди горит.

Склоняясь над вечным, не забывая,
Глядя на золото выбитых строк,
Голову молча к земле наклоняя,
Слушаешь прошлое, точно Боброк.

Эхо войны, её крики да стоны,
Залпы и сполохи где-то впотьмах,
Слёзы седой партизанской иконы,
Шашки казачьей доблестный взмах,

Шёпот сухой овдовевшей старухи
В самый конец по граниту ушёл.
Родину надо слушать не ухом!
Родину надо слушать душой!

Пименов Анатолий
Смотрю на город (исповедь танка)

Я смотрю молчаливо в туманную даль,
Не пойму, почему память так коротка?
У других заржавела давно уже сталь,
Пусть ковали её навсегда, на века!

В этом городе сотни таких же, как я,
И в артериях кровь течёт наша!
Не пойму, почему здесь так много
гнилья?!

Чтоб имели торты – ел я кашу,

Как другие, но сколько ушло человек,
Рвались в поле мы, как на арену,
Но вернулись не все, и с издёвкой век
Предлагает за жизнь мою цену.

Вы не знаете, как распевалась гармонь,
Балалайка несла в себе радость,
Рвался я через всё, словно в яблоках
конь,

Через площади, скользкую гадость...

Как меняют монету на мелочи горсть –
Разменяли и память, и доблесть!
Я смотрю вам в глаза, как непрощенный
гость,

А когда-то имели вы гордость!

В этом городе в пульсе – частица меня:
В каждой двери и каждой витрине,
И в рубиновом свете далёком Кремля,
Даже рядом, на каждой машине!

Не пихайте мне в дуло, невежды, букет!
Кто-то рядышком пил, кто-то спился!
Не садитесь на шею, чтоб сделать
портрет,

Я за вас, между прочим, и бился!!!

Самарин Артем
Петля

Петлёю века
Обвита шея жизни,
И с табурета
Свисает платье мысли.
На окнах шторы
Задёрнуты от мира,
Идёт Пандора,
В руках держа рапиру.

В оси прогибы.
И в равновесье шатком
Стоят калибры
В не сдержанном припадке.

Босой свободе
Опять велят разуться.
Мой мир бесплоден
В утробе безрассудства.

Мой век несётся,
Сменяются закаты,
И сумасбродства
Его витиеваты.
На окнах шторы
Раздёрнуты и руки,
Выводят строки
О выдохнутой сути.

Я не в себе?
На бред спиши все мысли
В моей строке
И вновь переосмысли.
Петлёю жизни
Обвита шея мира.
Бескомпромиссна
Презренная рапира.

Самокиш Софья
Деревенское лето

Травяною истомой наполнен,
И звенит, и стрекоchet июль.
От жары, наступающей в полдень,
На окне не колышется тюль.

Даже солнечный луч утомился:
Вязкой ленью застыл на ковре.
Я лежу и баюкаю мысли,
Становясь в полудрёме добрей.

Помню, так же в далёкое детство
Через тюль падал солнечный свет,
И рябина росла по соседству,
И лучи застревали в листве...

Словно тайны невиданной слепок
Этот солнца узор на полу, –
Мне казалось, там прячется лето,
От грядущих сбегая разлук.

Самокиш Софья
На море

Целуя меня, ты пробуешь море на соль,
Ведь я только вышла из пенной его воды.
Ведь это всё правда: не сон, не мечта,
не дым,
Мы снова на море: вон камни, а вон
песок!

Вон южное солнце выкатилось в зенит,
Под зонт от загара спрятаться бы скорей.
Но нам с непривычки, видно судьба –
сгореть.
И полдень за это хочется извинить.

А ты – моё море счастья, любви, тепла,
И я твоё море –
два моря на берегу.
Как тихую гавань от бурь и штормов
берегут,
Так я берегу взаимноморской уклад.

Кричащие чайки над берегом не парят,
Уверенно-ровно только шумит прибой.
Не тот был бы отпуск, не будь я сейчас
с тобой.
Не будь ты со мною, зачем мне тогда
моря?

Самокиш Софья Девятое Мая

Я помню из детства:
почтительный трепет
От слов «День Победы»,
«Девятое Мая».

Суровится ветер и волосы треплет,
Мне шесть или семь, я уже понимаю:

Пять стел –
потому что пять лет до победы –
Стоят среди танков на мемориале.
И строгие сосны,
И хмурое небо
Из давнего мая шагнули в реальный.

И грустно, и гордо, и шёпот:
«Спасибо
бесстрашию предков»,
И чувство покоя.
И вера, что небо останется синим –
Никто повторять не захочет такое!..

Прошло столько лет,
А в душе, как и раньше,
К отчизне любви – не один
многотомник...

И бьётся набатом – без фарса,
без фальши –

За мир! За Россию!

Я помню,
Я помню!

Самокиш Софья Новые ветераны

А помнишь, ходили девятого мая,
С восторгом и трепетом запоминая
Последних героев великой войны,
Жалея, что дни их уже сочтены?
Ведь всё завершается – поздно ли,
рано, –
И дети не встретят живых ветеранов.

И время прошло полноводной рекой,
Почти не осталось уже стариков.
Но есть постоянство в числе
переменных –
Иные герои идут на замену.
Я тоже свидетель – вот русских
стезя!.. –
Событий, забыть о которых нельзя.

И в память врезаются новые лица.
Да кто бы подумал, что всё повторится!
Во сне б не приснилось мне школьной
порой,
Что классом помладше учился герой,
Чья слава теперь не померкнет:
Представлен к награде.
Посмертно.

Самокиш Софья

Похолодало в семнадцатом веке –
В толстой стене прорубили окно.
Сразу влетел неприветливый ветер,
Стал безобразничать в доме родном:

С женщин сорвал он платки и уборы,
Русское слово смахнул со страниц,
Стали бояре брить длинные бороды,
Чтобы семью и себя не срамить.

Надо ли было так яростно сватать
Нашей стране этот западный край?
Всё, что полезно культуре богатой,
Собственной волей могла бы
зabрать...

Хватит, пора обрабатывать опыт,
В гости к соседям отложим визит.
Кто там поближе, окошко в Европу
заколотите –
сквозит.

Ситенко Виктория

Шаг в бессмертие

Разорвало небо на бинты
Миллиард стерильных облаков.
Наблюдать за миром с высоты
так легко.
Так легко, и боли больше нет.
Но ещё сражается наш взвод.
Медсестричка, наконец, ко мне
доползёт.
Доползёт, с надеждой, что живой,
В жерло перекрёстного огня.
Только там, где нынче
смертный бой,
нет меня.

Я лежу безмолвный на спине,
Ключьями земли родной накрыт.
Небо плачет молча обо мне
и навзрыд.

Даже Наверху не мил покой!
Мне бы отвести от вас грозу...
Я, ребятки, с вами всей душой
там, внизу!
Там, внизу, жестокий бой идёт.
Отрезает смерть назад пути.
В страшной схватке погибает взвод.
Не спасти!

С неба ливень, с поля боя – «град».
Страх с отвагой возглавляют строй.
Ещё миг – и для бойцов-ребят
кончен бой...

...Через тонны облачных бинтов
Просочится кровавый рассвет.
Будет мир. Меня же в мире том
больше нет.

...И Апостол Пётр мне вдруг шепнёт,
Улыбнувшись, будто невзначай:
«Шаг в бессмертье сделал храбрый
взвод.

...Ну, встречай...»

Ситенко Виктория
Памяти шестой роты

Он посмотрит отцу в глаза
И представит так явственно вдруг:
Нет отныне дорог назад,
Тянет смерть сотни грязных рук.
Вот отец в полный рост встаёт,
Крепче сжав автомат в руках.
Он по «духам» прицельно бьёт,
Победив в себе боль и страх.

«Не получите вы ничего!» –
Искарилось от гнева лицо.
Полосатую душу его
Душит чёрных бандитов кольцо...

Высота «семьсот семьдесят шесть».
И на карте в кружке Улус-Керт.
Что на картах гадать? Всё как есть:
Выпадает одно только – смерть.

Им не нужен медалей звон,
Чужд и дьявольский шелест купюр.
Горный ветер заглушит стон,
Расстилая февральский ажур.

Почти рота истерзанных тел:
Для России жестокий урок!
К ним на помощь Господь не успел.
А, быть может, пришёл точно в срок?..

Смело с неба на землю – в бой,
А с земли снова в Небо, в рай.
Нимбом станет берет голубой...
Ты прости нас, Шестая. Прощай...

...Пожелтевшее фото отца
Парень бережно к сердцу прижмёт.
Нет «войскам дяди Васи» конца!
Эта память вовек не умрёт!

Он – единственный сын, боец.
Дрогнет в грустной улыбке лицо...
«За десант, за тебя, отец!..
...Пятьсот два, пятьсот три,
кольцо...»

Стойко Артём
Рождён я в Сибири

«Чужое» роднее не стало,
Мне всё-таки ближе своё.
Есть разные в мире места, но:
В Сибирь я с рожденья влюблён!
Мне чужд этот мир иностранный,
Манхеттен и «чёрный квартал»,
И ближе родной полустанок,
Назаровский местный вокзал.
Железнодорожная школа
И детство «живое», своё!
Где мчался на санках, весёлый,
Морозной сибирской зимой.
Там «зелени», всеми желанной,
Ни разу в руках не держал.
Не видели евро карманы,
В них Рубль «деревянный» лежал.
Не ел из «Макдака» еды я,
В бейсбол не играл никогда.
Дороже мне были ржаные
Буханки и наша лапта.
Считаю своим амулетом
Бескрайнюю нашу тайгу.
Дороже на целой планете
я место найти не смогу.
Рождён я в Великой Сибири!
Живут здесь отец мой и мать.
Живём тут, жить будем и жили,
Из нас ведь Сибирь не забрать...

Стойко Артём Неожиданный курс

Я отправился в плаванье
из Назаровской гавани
по Сибирскому морю в Томск.
Овладев там профессией,
на одиннадцать месяцев
с ним простился, не зная о том,
что уже в скором времени
станет он неотъемлемой
частью жизни дальнейшей моей.
И желания в будущем
в нём заветные сбудутся
наяву, а не только во сне.
Это так удивительно,
как судьба всё предвидела,
возвращая в порт сессий меня
из залива Кузбасского,
где вода чёрной краскою
перемазана, мне не понять.
Этот курс неожиданный
для меня стал пружиною,
что, разжавшись, швырнула вперёд,
Подарив мне наследника
и, дай Бог, не последнего,
дом второй и, конечно, её...

Ягналиева Лейла
Путь домой

Стой, возница, придержи поводья!
Где б остановиться на ночлег?
Ишь, глядит с усмешкой на лохмотья...
Конь озябший перешёл на бег...

Эх, удел – гадать, куда забросит
Жизнь в своей безжалостной красе!
То ль в объятя тихого погоста,
То ль под лип спасительную сень.

Я мечтал во мраке дней неволи
На земле свободу обрести,
Где ветра морозные позволят
Ярой вьюге княжить во степи.

Жизнь – острог, свобода – наважденье,
Поиск извечен: где её найти?
Но обрёл души успокоение
Лишь в негромком: «Матушка, прости».

Талый снег собой наполнил фляжку...
Жажда – с горя, меньше от нужды.
Волюшка, возьми меня в упряжку:
Старый конь не портит борозды.

Под собою больше ног не чую...
Сотни вёрст за мной. А впереди?
Вновь б увидеть сторону родную
На мгновенье. Пусть в конце пути.

Яжмина Яна
Кто же знал

Обжигает щёки леденящий ветер.
К пачкам из-под сока выстроились дети.
Помощь? Развлеченье? Главное, что будет
Птицам угощенье. Птицы – тоже люди.

Дворник, почтальоны и охранник хмурый
Кормят птиц батоном после перекура.
И никто не знает, что в ночи глубокой
Бабушка седая ходит той дорогой.

Озираясь, словно стыдно ей и страшно,
Собирает зёрна в миску из-под каши.
Сварит, что досталось. На войне все средства...
Кто же знал, что старость будет хуже детства!

Всем помочь сумеем:
Голубю, синице...
А потом прозреем:
Люди тоже птицы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александрова А. 16, 58
Бобровская И. 3, 10, 42
Бобылев Д. 42
Бойцова О. 3, 14
Воробьева М. 16, 17
Гаспарян К. 18
Гончаров Е. 42
Джурович Н. 43, 59
Дикович Н. 43
Ермакова А. 19
Ерофеева Е. 59
Захарова М. 60
Зинченко И. 20
Игнатенко А. 20, 21, 62
Исаенко М. 44, 63
Колесникова Е. 44
Королёва А. 21
Кошечев Д. 63
Лемантович О. 22
Лесовик О. 22
Лоскутова Е. 23, 24
Лунин М. 3, 9
Михайлов Г. 64
Овчинников Т. 44
Пименов А. 3, 11, 24-28, 46, 47, 64-67
Подкорытова А. 3, 11
Полецкая С. 48
Понеделко С. 28, 29
Порошина М. 47
Радужкин К. 4

Самарин А. 67, 68
Самокиш С. 49, 69-71
Сафиулин М. 4
Селезнева Т. 3, 12, 29
Ситенко В. 3, 4, 13, 49-51, 71, 72
Слуцкий А. 30-33
Смолицкая Е. 33, 52
Старцева М. 52
Стойко А. 4, 53, 72, 73
Стулова О. 34
Суркова А. 53
Тищенко А. 53
Товескин К. 3, 6-8
Турубарова А. 54
Турукина Д. 34
Фокина О. 4
Хайдарова Д. 34
Харитонов Е. 4
Цивилева И. 35
Цуленкова А. 36
Черкасова В. 36
Шаврина Е. 36, 54
Шпиякина Н. 4, 37-39
Щапова Т. 55
Щитов И. 3, 8, 39, 55, 56
Юдина С. 39
Ягналиева Л. 3, 13, 40, 74
Яжмина Я. 75

СОДЕРЖАНИЕ

Конкурс молодых поэтов: год шестой	3
Поэтический батл «Высшая лига КМП»	4
Раздел 1. Наши победители	5
Раздел 2. «Будто был я вчера на войне...»	15
Раздел 3. «Возьмёмся за руки, друзья!»	41
Раздел 4. «Любовью к Родине дыша»	57
Алфавитный указатель	76

Эхо войны:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова / Дизайн, верстка: Л. А. Игнатова, нач. рекламного-издательского отдела МКУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МКУК ЦБС Октябрьского района, 2022. – 80 с.: ил.

Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru

Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru

**Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»**

**630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru**

**Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru**